

Жина Бьёрн

Полжизни за мужа

18+

Нина Бьёрн

Полжизни за мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38008994

SelfPub; 2018

Аннотация

Айшания выдала себя за сестру и вышла замуж обманом. Хотела спасти ее от нежеланного брака и себя от одиночества. Она – обладатель темного дара. Такие не выходят замуж. Их клеймят и ссылают. Их семьи отказываются от них. А ей хочется любви. Ради этого она готова попытаться завоевать если не сердце, то хотя бы уважение своего мужа. Но в первую брачную ночь в ее комнату по ошибке попал чужой мужчина, и все ее мечты пошли прахом. Мужу не нужна запятнанная жена... На обложке рисунок автора.

Нина Бьёрн

«Полжизни за мужа»

– Быстрее, Лита, снимай это! – я лихорадочно помогала сестре стаскивать наряд. Проклятые шнурочки! Кто придумал делать их на платьях в таких количествах? Полуразвязанное наспех платье отказывалось отпускать из своего захвата широкие бедра Литы. Шнурок на корсаже завязался плотным узелком. Пришлось распутывать его зубами. Наконец, платье сдалось. Сестра радостно выскользнула из него и принялась стягивать с себя нижнюю сорочку.

В кладовке, где мы спешно совершали свое преступление было тесно и холодно. Я уже стояла напротив Литы голая и приплясывала босыми ногами на ледяном полу. Получив от нее, наконец, панталоны и чулки, я поспешно влезла в них и нырнула озябшими стопами в ботинки сестры. Они были немного тесноваты мне, но в них было тепло. Не важно. Все равно идти в них долго мне не придется. Всего лишь до кареты.

Лита бросила мне в руки свою сорочку, и я быстро всунулась в это белоснежное шелково-кружевное чудо женского туалета. Сестра с ненавистью подпнула ногой в мою сторону нежно-бирюзовую грудь, в которую превратилось ее роскошное платье, и принялась одеваться в мою одежду.

Наконец, когда все пуговицы и шнуровки на наших наря-

дах подчинились нашим трясущимся от холода и волнения рукам, я осторожно выглянула в коридор.

– Никого, – шепнула я сестре. – Пойдем!

Мы чувствовали себя двумя воровками. Крались по коридорам задней части собственного дома и до смерти боялись быть застуканными прислугой. На всякий случай мы натянули на головы капюшоны своих накидок, надеясь на наше внешнее сходство.

Миновав на цыпочках открытую дверь в кухню, где пиновала остатками хозяйских блюд дворня, мы, наконец, выскользнули на улицу. Этот выход вел прямо в город. Обычно им пользовалась прислуга. До угла нашего дома мы бежали бегом. Дальше за ним начиналась рощица, в которую мы поспешно юркнули, как две из-под носа спящего кота мыши.

Спрятавшись за стволом огромного дерева, мы остановились отдышаться.

– Где он? Ты его видишь? – спросила Лита.

Я озиралась по сторонам, но не видела ничего кроме вертикалей голых осенних деревьев.

– Эй! Сюда! – окликнули нас полушепотом откуда-то из глубины рощи.

– Мару! – радостно ахнула сестра. Она бросилась на голос и вскоре потонула в объятьях высокого мужчины. Он благоговейно уткнулся Лите в волосы и шепнул ей на ушко что-то такое, от чего выступивший румянец на щеках сестры стал заметен даже в сумерках.

– Готова? – он чуть отстранился и заглянул ей в глаза.

Она счастливо кивнула.

– Тогда идем! – позвал он, указывая себе за спину, где чуть поодаль были привязаны к стволу дерева две лошади.

– Сейчас, – улыбнулась ему Лита и повернулась ко мне.

– Спасибо! Спасибо тебе, Шани! – она обняла меня так, что у меня хрустнуло где-то в спине. – Я обязана тебе жизнью. Прости меня.

И я в ответ стиснула ее так же крепко. Я так любила ее, мою младшую сестренку. Пусть хотя бы у нее будет шанс стать счастливой. Возможно, мы больше никогда не увидимся с ней. Но я знала, что отдаю ее в надежные руки. Мару сильный, верный и очень любит Литу. Он не виноват, что является всего лишь недостаточно благородным четвертым сыном городского старосты, и что моя сестра ему не ровня.

– Не извиняйся, Лю! Не за что. Я сама так решила.

– Люблю тебя, – пискнула она, глотая слезы.

– И я тебя, – ответила я через ком в горле. – Будь счастлива!

– Буду, – уверенно выдохнула она и отстранилась.

Мару помог ей взобраться в седло, она помахала мне на прощание рукой и оба всадника растворились в наползающем вечернем тумане.

Я вытерла рукавом слезы и поспешила к дому. Мне нужно было теперь так же тихо пробраться в комнату сестры. Почему, когда делаешь что-то запретное с кем-то на пару,

это не кажется таким страшным? Совсем другие ощущения я испытывала теперь, когда кралась по коридорам дома одна, воспринимая каждую тень как моего разоблачителя. Пару раз меня чуть не застали врасплох, но мне все же удалось незамеченной пробраться к служебной лестнице, ведущей в хозяйскую часть дома. В комнату Литы я влетела с колотящимся от страха сердцем, надеясь только, что служанка еще не приходила и сестры не хватились.

Мне повезло. Сундук с ее упакованными вещами еще стоял возле двери. Значит, у меня оставалось еще немного времени, чтоб успокоиться.

Я сбросила накидку на сундук и подошла к зеркалу. Боги, какой ужас! От спешного переодевания в кладовке моя прическа ощутимо пострадала. Из нее торчали выбившиеся волоски и прядки. Воронье гнездо, клянусь богами!

Я отыскала на туалетном столике сестры бутылочку с сахарной водой, смочила ладони и попыталась выровнять прическу. Повозившись немного, я осталась вполне довольна результатом. Припудрила лоб и нос, нанесла немного румян и, наконец, перестала походить на вспугнутый призрак. Лицо ожило. На нем уже не были так видны следы вины и страха за совершенный обман.

Чтоб успокоиться и скоротать время, я стянула с книжной полки сестры какой-то роман и устроилась в кресле перед камином. Все лучше, чем метаться по комнате, вороша в голове мысли «а вдруг...». Где, к троллям, носит эту карету и

служанку, что должна за мной прийти? Брат уже попросался с Литой и благословил ее. Вероятность того, что он придет сюда, чтоб поговорить снова, была не велика, но... Чем только духи не развлекаются. Каждая лишняя минута в доме грозила нам с сестрой разоблачением. Я надеялась, что они с Мару успеют уехать достаточно далеко, пока их не хватились.

Любовный роман с трудом, но все же затянул меня в свой незамысловатый сюжет. Когда раздался стук в дверь, а затем на пороге комнаты Литы выросли четыре чопорные разряженные служанки, я чувствовала себя почти спокойной. По крайней мере, выглядела такой. Это ведь нормально для молодой девушки – нервничать перед таким важным событием? Нормально.

Служанки чинно накинули мне на плечи мой плащ, красиво уложив вокруг лица капюшон. И я в последний раз взглянула на свое отражение в зеркале здесь, в родительском доме, которому я уже давно не принадлежала. Всего через несколько дней я выйду замуж вместо моей младшей сестры.

Мы с ней очень похожи. Обе светловолосые и кудрявые. У обеих одинаковый тип лица. Мы почти одного роста. Отец говорил, что мы обе – почти точные копии нашей матери. Именно это сделало нашу затею выполнимой. А еще то, что будущий муж Литы не захотел ехать сам и прислал своих служанок и карету. И то, что брат был слишком занят, спаи-

вая свадебных сватов в главном зале дома.

Это был договорной брак. Мой брат как глава нашего клана обменял одну из своих сестер на дружбу с враждебным ранее приграничным кланом. Ранее они составляли одну из наших родовых ветвей. Чуть более десяти лет назад они откололись от нас, отхватив себе почти треть наших земель, и стали самостоятельными. А теперь независимость их от нас и нас от них стала иметь слишком высокую цену. Если захватчики с севера завоюют эту землю, то они заполучат и путь к судоходному каналу самого клана. А это очень лакомый кусочек. Бесплатный доступ к кормушке. И тогда плохо станет всем, кто стоит вдоль реки, потому что за провоз товаров придется платить уже северянам.

Скрепить деловой союз еще и семейными узами – беспроигрышный вариант.

Литу решение брата привело в полнейший ужас. За ней ухаживал Мару, и выходить замуж за сына главы соседнего клана она хотела меньше всего на свете. Прочем, я тоже не горела желанием соединиться с теми, по чьей вине мы потеряли отца. Но допустить, чтоб в эту мясорубку бросили сестру я тоже не могла. И потому я теперь тряслась в дорожной карете в чужой клан.

Я должна была уехать из дома в один день с сестрой и снова отправиться в Черную обитель – пристанище для других таких же, как я. Но, думаю, сестры милосердия скучать по мне не будут. Брат не хватится меня еще пару лет, если не

случится ничего непредвиденного. А за это время у меня будет возможность закрепиться в том клане и прикрыть сестру.

В итоге, многие выиграют. Сестра сможет соединиться со своим любимым, брат обретет союзника в борьбе с захватчиками, союзник брата получит хозяйку в дом и надежду на скорое продолжение рода. Я сделаю все возможное, чтоб сделка брата состоялась. Слишком многое от нее зависит. А что в итоге получу я? Ничего кроме возможности не видеть постные лица сестер милосердия хотя бы пару лет, а может и гораздо дольше, если очень повезет и в том клане не узнают, кто я. В противном случае наш с сестрой обманный маневр покажется детским лепетом.

Первые дни свадьбы должны были играть в маленьком городке Мьяри на границе двух кланов. Решено было не ждать, пока я приеду в родовое гнездо моего жениха. Это еще три дня пути плюсом к тем, четырем, что я уже проехала. Предводители торопились заключить союз. Вдоль северных границ стали появляться неприятельские лазутчики.

Жених вместе со своей семьей выехал мне на встречу. Брат должен был прибыть позже уже на основные празднества. Был занят укреплением наших позиций на севере. К тому времени моя обязательная роль на свадьбе будет сыграна. Велика вероятность того, что с братом мы так и не встретимся. Тем лучше для меня.

Семья жениха выбрала Мьяри за чистоту и красоту уютных улочек, чудесные виды на озеро того же названия и за то,

что это был город виноделов. Вокруг него по холмам и полям раскинулись самые лучшие виноградники на Великой Равнине. Даже этими промозглыми октябрьскими днями, городок выглядел уютно. Беленые стены домиков под красными черепичными крышами выглядели нарядно. На вторую часть празднества гости должны были перебраться в главный город клана в дом главы.

Гостиница, где должно было пройти празднество, поразила своими размерами. Она была огромная и стояла на краю города. Прямо из окон можно было видеть виноградники, холмы, ручьи и речушки этого красивого и благодатного края. Собственно, это была единственная гостиница в Мьяри и она была заполнена.

Стояла осень и многие люди и нелюди собрались здесь с разных концов Долины, чтоб закупить отборного вина. Некоторые из них специально приехали на свадьбу моей сестры. То есть, на мою свадьбу. Нужно привыкнуть, что это теперь мой жених и называться я теперь должна Литой. Арелитой. Айшания уехала в Черную обитель, а я – Литя. Ох, не забыть бы...

Карета остановилась перед крыльцом и служанка, которая ехала со мной, прикрыла мне лицо вуалью. Дверца открылась и слуга помог спуститься сначала служанке, а потом мне. Я мерзла всю поездку. Наверное, это было больше из-за волнения, чем из-за самой погоды. А в последний день припекало солнце, и я начала отогреваться. Вот бы сбросить с

лица вуаль и этот проклятый капюшон и посидеть в саду на скамеечке, подставив лицо солнцу. Впереди зима. Она принесет с собой ветер, снег, холод. Она скроет нескончаемыми тучами небосвод.

Я любила солнце. В детстве нянюшка всегда ворчала на меня из-за этого, вытравливая загар с моего лица лимонным соком и притираниями. У благородной горожанки кожа должна быть белой и нежной. Но потом я перестала быть благородной горожанкой. На смуглость моего лица больше не обращали внимание. Потом была Черная обитель, в которой всем было все равно, какого цвета мое лицо. Им вообще было все равно.

День стоял необычайно теплый для этого времени года. Я посчитала это хорошим знаком. Может быть, мне повезет и все наладится наилучшим образом.

В большой гостиной царило оживление. Кто-то спускался с лестницы, кто-то поднимался. Некоторые сидели на диванчиках и беседовали. Возле стола хозяйина гостиницы собралась небольшая очередь. Люди в ней о чем-то разговаривали, спорили. Дверь в трактир, находящая чуть дальше распахнулась и из нее весело смеясь вывалилась компания из трех мужчин.

– Не беспокойтесь, Светлая Госпожа, для вашей церемонии готовят отдельный зал, – сказала мне служанка, демонстративно скривившись при виде трех подвыпивших щеголей.

Я не беспокоилась. Мне нравилась эта суета. Городок был живым, радостным, суетным. Наверное, летом здесь потрясающе красиво, когда деревья одеты листвой. Гостиница была наполнена весельем и предвкушением праздника. Сновали между постояльцами расторопные горничные, слуги вносили и выносили дорожные сумки приезжающих и отбывающих. А где-то на кухне уже наверняка готовился свадебный ужин. На мгновение мне показалось, что поменяться с сестрой местами было не так уж и ужасно.

Меня увели в комнату готовиться к церемонии. Горячая ванна смыла с моего тела дорожную усталость и пыль. Я почувствовала себя почти хорошо. Молодая служанка помогла мне вымыться и растерла мне тело ароматным маслом. Кожа стала шелковистая на ощупь. Девушка старалась во всю. Ее руки были ловкие и деликатные.

За мной так не ухаживали лет с десяти. В Черной обители никто не станет мыть вам волосы или массировать ваши ступни. В вашем распоряжении будет ведро воды, тряпочка и печь. Ну, и крохотное мыльце, если вы его себе перед этим сварите. Захотите, нагреете себе воды сами, если сумеете наколоть дров. Первые месяцы я мылась ледяной водой, пока не научилась держать топор.

За время жизни в Черной обители я отвыкла от обращения с собой, как со знатной. Хлопоты служанки вызывали чувство неловкости. Теперь мне придется снова привыкать получать такую заботу. Я войду в богатую и знатную семью.

Жена будущего предводителя клана должна быть ухоженной и красивой. Если бы служанка увидела меня месяц назад, когда я только приехала из обители, она бы не поверила, что я действительно из благородной семьи. Мои волосы, ногти, кожа были, мягко говоря, далеки от идеала. Работы в огороде, уход за скотиной и мытье полов не способствует красоте ногтей и мягкости кожи. Но месяц в обществе сестры, помещанной на кремах, мазях и маслах, не прошел даром. Мне не было стыдно перед служанкой теперь уже моего жениха за состояние моего тела. Только волосы я вымыла сама, опасаясь, что мой страшный маленький секрет, скрывающийся на коже под волосами, раскроется.

Вся подготовка меня к церемонии была похожа на какой-то магический ритуал, в результате которого я чувствовала себя все более красивой. Нежнейшее шелковое белье, изящные белые атласные туфельки, расшитые мелким розовым жемчугом, тончайшее кружево на лифе молочно-белого платья, светло-розовый узор, вышитый шелковой нитью, украшал рукава и подол верхнего платья. Нежно-бирюзовое платье, подаренное женихом сестре на помолвку, еще тогда в кладовке показалось мне верхом изящества и мастерства портного. Свадебный наряд превзошел его во всем.

По моей просьбе волосы оставили распущенными. Только завили кончики прядей. Слишком боялась я, что заметят мое клеймо стайры. Служанка не без сожаления отложила тяжелое жемчужное украшение, предназначенное для высо-

кой прически. Ей, наверное, очень хотелось хотя бы подержать его подольше, раз уж самой носить такие не суждено. Знала бы она, что мне тоже не придется надевать его. Золотая тиара, украшенная розовым жемчугом, которую служанка предложила вместо украшения, красиво подчеркнула золотистый блеск волнистых прядей. Никогда раньше не замечала, что мои волосы такие блестящие, а кожа такая гладкая.

Из зеркала на меня смотрела настоящая красавица. Боги, неужели это я? Я выглядела почти так же прекрасно, как и настоящая Лита. Только для нее это было постоянным и естественным состоянием, а я окунулась в него как в чудо.

Наконец, служанка собрала свои волшебные инструменты и оставила меня одну.

Я не хотела садиться, чтоб не помять платье, и бродила по комнате. Солнце проникало внутрь сквозь боковые узкие витражные окна, оставляя на полу яркие цветные квадраты. Воздушная занавеска на центральном окне наполнилась солнечным светом была похожа на нежное облачко. Потрясающий вид из окна, красивая комната и я, похожая на изящную статуэтку в своем свадебном наряде. Все происходящее становилось похожим на сказку.

В огромном праздничном зале невесте было отведено особое место. В компании родственниц предводителей родов клана жениха мне надлежало наблюдать всю церемонию с большого балкона. Меня сопровождали так же его мать и ба-

бушка. Последняя, однако, в происходящем участия не принимала, так как была слишком стара и предпочитала дремать в мягком кресле. Нас рассадили на местах согласно нашему статусу и положению мужей в клане. Меня – в первом ряду в центре. Балкон был отделен от основного зала частой плетеной деревянной решеткой. Мы могли видеть все происходящее в зале довольно четко, а вот снизу должно было быть сложно рассмотреть нас.

Будущая свекровь встретила меня на удивление радушно. Она показалась мне очень милой женщиной. Обходительная, исполненная достоинства, с мягкой улыбкой, она воплощала в себе образ идеальной знатной дамы. До начала церемонии мы забавлялись легкой беседой, а я понемногу рассматривала то, что располагалось внизу.

В основном зале было очень много народу. Мужчины и женщины, составляющие благородную верхушку клана красовались друг перед другом в богатых нарядах.

Восемь представительных мужчин восседали в бархатных креслах на небольшом помосте. Видимо, предводители основных родовых ветвей клана. Позади них стояли их сыновья. Главу я распознала сразу по массивной цепи с золотым гербом на груди. Одет он был богаче всех и держался так, словно ему принадлежал весь мир. А ведь всего десять лет назад он склонял голову перед моим отцом в почтительном поклоне. Война, расколовшая клан была кровопролитной и жестокой. Мой отец нашел в ней свою смерть, а этот муж-

чина – величие. На коленях предводителя сидел маленький мальчик лет четырех, одетый в золотое. За его креслом стояли двое взрослых мужчин.

Мое сердце гулко застучало. Один из этих двоих – мой будущий муж. Но, кто же? Оба обладали статью, оба были красивы. У того, что был повыше ростом коротко стриженные волосы цветом очень походили на мои, но имели легкую рыжинку. Его гладко выбритое мужественное лицо было скульптурно-красивым. Молодой воплощенный бог. Второго шевелюрой словно бы наградили эльфы. Почти платинового оттенка волосы были слишком коротки, чтоб стянуть их узелком, потому их просто аккуратно зачесали назад. На этом сходство с лесным народом заканчивалось. В отличие от них мужчина имел мощное коренастое телосложение, подобающее скорее оборотню-медведю или другому крупному хищнику.

– О, Флориан такой симпатичный в этом костюмчике, – моя будущая свекровь умильно сложила ладони на груди.

– Флориан – ваш младший сын? – поинтересовалась я.

– Да. Он моя гордость и отрада. Поздний подарок богов нам.

В этот момент в зал вошли трое жрецов, и предводители родов встали. Глава клана тоже поднялся, передавая ребенка назад.

– А кто же...

– Хочешь спросить, кто же твой нареченный?

– Да, – охрипшим от волнения голосом призналась я.

– Не волнуйся так, девочка. Вон он, мой Мартиан. Глава передал ему Флориана. Все будет хорошо – женщина совсем по-матерински потрепала меня по руке и поднялась. – Я должна идти вниз, чтоб дать благословение сыну.

Я благодарно улыбнулась ей и принялась высматривать мальчика в золотом. Мартиан. Красивое имя. Мужчина, державший ребенка, был тем самым эльфом-медведем, чему я даже обрадовалась. Он изначально приглянулся мне больше другого. В этом коренастом крепыше было нечто, что сразу привлекло мое к нему внимание. Может что-то в том, как он улыбался ребенку. Открыто и весело. Или то, как бережно он держал брата. Или в спокойствии и силе, которые сквозили в его мощной фигуре.

Я благодарила небеса, богов, духов за выпавшую мне возможность. Мужчина был великолепен. При взгляде на него где-то в моей груди сладостно ныло. Я скользила взглядом по его фигуре, отмечая какие сильные у него руки, как обтягивают мощные ноги кожаные штаны, как натягивается при каждом движении на его могучей спине кожаный колет. Если у меня при взгляде на него так восхищенно дрожало что-то внутри, когда он там, что же я почувствую, когда мы окажемся с ним наедине?

Мне было жаль, что я сейчас не рядом с ним. В нашем клане мы бы стояли перед жрецами бок о бок, рука об руку. Мы бы смотрели друг другу в лицо, произнося наши клятвы.

А я хотела бы увидеть, какого цвета у него глаза.

Здесь брачные союзы заключаются заочно. Местные бо-
ются, что духи сглазят молодых, и потому вместо настоящих
жениха и невесты жрецы соединят подставных. Странно, на
мой взгляд. Но для договорных браков, может, это и к луч-
шему. Если нет выбора, тогда иногда лучше не знать заран-
нее, с каким чудовищем свяжет тебя воля родителей. И чтоб
не было шанса у несогласных детей сказать перед жрецами:
«Нет!».

Я бы ни за что не отказала ему.

Мужчина до этого скользил взглядом по лицам в зале, рас-
сматривал убранство, а тут вдруг, словно почувствовав что-
то поднял голову и посмотрел наверх. Прямо на меня. Он
не мог разобрать моего лица за этой мелкой решеткой, но
он определенно чувствовал, что я смотрю. Его губы тронула
легкая улыбка.

Мне казалось, что он посмотрел мне прямо в душу. Смеш-
но. Как он мог бы? Он даже не видел меня. Но я ничего не
могла с собой поделать. Боги, мой будущий муж – самый по-
трясающий мужчина в зале!

Рядом с ними появилась моя будущая свекровь. Малень-
кий Флориан явно попросился к ней, и брат спустил мальчи-
ка на пол, ласково потрепав по светлой макушке. Мать пра-
вящего семейства подошла к Мартиану и подала ему руку.
Он принял ее и почтительно поклонился ей, прикладываясь
лбом к ее пальцам. Она обняла сначала его, потом своего

второго сына, а затем подхватила на руки Флориана и села в оставленное специально для нее кресло рядом с мужем.

Церемония началась. Откуда-то из толпы вышли женщина, переодетая мужчиной с нарисованным краской гербом клана на груди, и мужчина, наряженный в женское платье очень похожее на мое свадебное. Эта пара «перевертышей» должна была изображать меня и моего жениха во время обряда. Это делалось специально, чтоб отвлечь и обмануть злых духов. Чтоб они запутались и не сглазили молодую пару. Чтоб завистливые слова и пожелания потерялись между двойниками, не найдя пути к настоящим адресатам.

Наши копии преклонили колени перед жрецами, принося за нас клятвы и принимая благословения.

Мои глаза застилала слезы радости. Я и не надеялась на то, что будущий муж придется мне по нраву, но я была готова принять его любым, заботиться о нем и уважать. Если он действительно такой, как о нем говорят, это было бы вполне возможно. Я была наслышана, что жених Литы достойный и сильный, что в клане его чтут, несмотря на молодой возраст.

Когда я соглашалась на подмену с сестрой, я немного скривила душой. Мне не только хотелось спасти сестру. Я хотела мужчину в своей жизни. Хотела детей. На самом деле, это был единственный шанс для меня выйти замуж. Пусть и не по любви, пусть с большим риском и обманом, но я хотела этот шанс. Мне не придется притворяться и принимать его прикосновения через силу. Что-то подсказывало мне –

между нами все будет иначе. Я теперь очень хотела этого и молила всех богов о том, чтоб понравиться ему.

Должно быть, боги послали мне эту милость, чтоб уравновесить самую большую несправедливость в моей жизни. Ту, из-за которой я много лет пряталась от мира в Черной обители.

В возрасте десяти лет мне проводили обряд Перерождения. Его проходят все девочки, готовящиеся в скором времени войти во взрослую жизнь и стать девушками. Во время ритуала что-то пошло не так. Знахарка, проводившая его испугалась, побледнела, и заплетающимся от страха языком поведала моим родителям, что я – стайра – живой проводник в мир мертвых. Мужчин, рожденных с таким даром, в юном возрасте иницируют и они становятся некромантами. Особо талантливые становятся Ходящими к духам. Женщин-некромантов не бывает. Если в семье появлялась такая девочка, ее надлежало отметить специальным знаком. Стайры не выходят замуж, не рожают детей. Никто не возьмет в свою семью такую девушку, потому что она приведет за собой все зло мира мертвых. Стайры перестают существовать для общества, покидают свои семьи и живут в Черных обителях.

Мне в свое время такой знак поставили. Знахарка сбрила мне волосы, провела обряд запираения моей силы и поставила на затылке клеймо. Змея, свернутая кольцом вокруг равностороннего креста. Позже, уже в Черной обители я сильно

заболела. Ко мне вызвали лекарку. Она была стара и очень опытна. Она вылечила меня. А еще она перевернула мою жизнь второй раз подряд, когда сказала, что никакая я не стайра. Знахарка ошиблась. Весть отправили моему брату, который на тот момент уже был предводителем клана. Но изменить уже ничего было нельзя. Мать и отец погибли в войне. Всему миру было объявлено, что я мертва. Не мог мой клан признать, что одна из дочерей главы клана – стайра. Даже если это потом оказалось не так. Никто не поверил бы. Клеймо на теле есть, в Черной обители жила. Удалить метку с моего тела можно было лишь срезав кожу. Но клеймо большое. Такая рана не зажила бы без серьезных шрамов, которые располагались бы в таком месте, что любой бы понял, что именно было на их месте. Открыто выйти замуж я не могла, а поскольку я старшая сестра, дорога в замужество была бы закрыта и Лите. Именно поэтому для всех я оставалась мертвой, а когда гостила изредка в родном доме, представлялась случайным гостям дальней родственницей матери из Карвика.

Теперь я могла что-то изменить и попытаться стать счастливой. Айшания исчезла где-то между родным домом и Черной обителью, старая Лита растворилась в мире вместе со своим возлюбленным, а новая Арелита сквозь деревянную решетку разглядывала влюбленными глазами того, кто только что стал ее мужем по обману.

Красивый свадебный браслет прохладной тяжелой змей-

кой обернулся вокруг моего запястья. Точно такой же символ скрепленного союза должен получить мой муж. Когда брак станет подтвержденным, чешуйчатые звенья браслета склеятся. Он станет неразъемным и будет вечным символом крепости нашего союза.

Я уже готова была приплясывать от волнения, когда служанка пришла за мной и объявила, что пора идти готовиться к первой брачной ночи.

Комната приобрела волшебный вид. Тяжелые бархатные портьеры были задернуты. На каминной полке в двух бронзовых канделябрах чинно выстроились свечи. Отблески пламени из камина отбрасывали на стены и мебель нежные золотисто-рыжие отсветы.

Огромный балдахин над кроватью украсился гирляндами из цветов. На прикроватных тумбах, в напольных вазах, на каминной полке, даже на туалетном столике. Везде стояли цветы. На небольшом столике возле камина были выставлены бутылки с вином, бокалы и легкие закуски. Чтоб молодые могли подкрепить силы после... После... Я почувствовала, что краснею.

Меня готовили не менее тщательно, чем комнату. Снова горячая ванна, увлажняющие масла, растирания. Свадебное платье сменилось на тончайшую ночную сорочку. Она была настолько легкой, что сквозь ткань явно просвечивали мои соски и треугольничек между ног. Кружевной верх

красиво стягивал на груди тонкий шнурок, завязанный на очень провокационный бантик. Потяни легонько за кончик и ворот распахнется почти до пупка. Гладкая ткань дразнила чувствительную кожу на груди. Мое лицо пылало. От смущения или от возбуждения, я не могла определить.

Поверх сорочки на меня одели легкий халатик.

Волосы мне оставили распущенными, подхватив их у висков крохотными заколочками. Служанка, готовившая меня, немного отошла и склонила голову, оценивая результаты своего труда. Нахмурилась, словно художник, решивший, что на картине не хватает еще одного завершающего штриха. Потом она кивнула каким-то своим мыслям, порылась в одном из ящичков трюмо и достала узкий и длинный футлярчик. С помощью ее ловких пальчиков крохотная бриллиантовая подвеска-слеза на тончайшей почти невесомой цепочке легла точно в начало ложбинки между грудей. Служанка удовлетворенно улыбнулась как кондитер, посадивший вишенку на торт идеально искусно точно в нужном ему месте. Наконец, она подала мне в руку бокал красного вина и ушла, закрыв за собой дверь на ключ. Бокал я опустошила почти залпом и приготовилась ждать. Впрочем, ждать пришлось совсем недолго.

Снаружи слышались шаги. Я вскочила с кресла, в котором сидела, наблюдая за огнем камине. Сердце словно сорвалось в галоп. Ключ вставили в замочную скважину и замок

щелкнул язычком, впуская пришедшего. Дверь чуть слышно скрипнула и в комнату шагнул мой новоиспеченный муж. Мои пальцы впились в спинку кресла.

Мужчина прошел в комнату. Вблизи он казался еще крупнее, чем я представляла. Он был среднего роста для мужчины, но все же намного выше меня. Кожаный колет зрительно делал его и без того огромные плечи еще шире. Рукава белоснежной сорочки красивыми волнами подчеркивали мускулистые руки. Он склонился над столиком с угощениями, подхватил с тарелки пару виноградинок и ловким движением отправил их в рот.

Я бесстыдно пользовалась возможностью разглядеть его получше, жадно обшаривая взглядом сначала широкую спину, а затем и грудь виднеющуюся в небрежно расстегнутом вороте его колета и сорочки, когда он развернулся в мою сторону, все еще занятый угощением. Он налил себе вина, стянул с тарелки пластик вяленого мяса и подхватил бокал за тонкую ножку. Я видела его почти в профиль. Высокий гладкий лоб, чуть удлиненный нос с едва заметной горбинкой, легкая светлая щетина на волевом подбородке. Очень красивый. Боги, хоть бы понравиться ему!

Мартиан с наслаждением вдохнул аромат вина. Его широкие брови на мгновение сосредоточенно сдвинулись, пока он оценивал качество напитка, а затем расслабились. Мужчина одобрительно улыбнулся. Крупные резко очерченные чувственные губы мягко обхватили край бокала. Он глотнул

вина, вскользь оглядывая комнату и заметил меня.

Из взгляда моментально улетучилась легкость и расслабленность. Он было нахмурился, но потом в его взгляде мелькнуло понимание.

– Так, стало быть, это ты. Старый Кари не обманул. Ты действительно очень красивая.

Он поставил бокал и подошел ко мне. Вопрос о том, кто такой старый Кари, потонул где-то в пучине моего сознания, так и не превратившись в слова. У меня в груди сперло дыхание. Он был настолько близко, что я чувствовала исходящий от него тонкий теплый запах кожи и вина. Мужчина рассматривал меня. Оценивал. Тронул кончиками пальцев локон возле моего уха, легко погладил тыльной стороной ладони по щеке, убрал мне за спину мешающуюся ему длинную прядь волос, прикоснулся к бриллиантовой слезинке на моей груди. Он смотрел на меня сверху вниз. А я смотрела только на его губы.

– Надо же... Какая... И где они только таких берут?

Он взял меня за руку и повел к кровати. Меня обуяла паника. Тело сделалось деревянным и непослушным. Муж усадил меня на кровать, делая знак забраться дальше. Я послушно подтянула ноги, заползла на центр постели, путаясь в длинных полах своего халата и улеглась, напряженно сцепив руки на груди. Мартиан лег рядом и навис надо мной, опираясь на руку. Кажется, у меня дрожали даже пальцы на ногах.

Мужская рука по-хозяйски легла мне на грудь и легко сжала ее сквозь ткань. Я едва сдержала испуганный всхлип. Мартиан спустил ладонь ниже, забираясь под подол сорочки. Он погладил мою ногу, и скользнул ладонью между бедер. Я напряглась, стискивая колени вместе. Он надавил сильнее, требуя раскрыться ему. Я подчинилась. Он мой муж и имеет на это полное право. Я должна принять его. Он мне нравился. Очень. Но я ничего не могла с собой поделать. Как только я снова почувствовала его руку на своей коже, мои колени опять сжались сами собой.

Он слегка отстранился.

– Что с тобой? – спросил он. В его голосе мне послышалось недовольство. Мной. Ну, вот. Наша семейная жизнь еще не началась, а я уже разочаровала его.

Я в панике смотрела на него, не зная, что сказать.

– Ты лежишь как бревно. Это у тебя в первый раз что ли? – словно не веря спросил он. – Не умеешь?

Я нервно сглотнула и едва смогла кивнуть.

– Почему ты не умеешь?

Я закусила губу, чтоб не расплакаться. Как я должна это уметь? Кто бы меня научил, если я никогда не была с мужчиной?

– Вас не учат что ли как доставить удовольствие мужчине? Должна же быть какая-то подготовка перед этим.

Я не знала. Может быть Литу и в самом деле учили. Она ведь готовилась замуж. А я нет. Я в это время таяла кар-

тошку на поле обители. Я не знала, что перед тем, как выйти замуж, нужно пройти обучение.

Мартиан смотрел на меня пристально. Мне стало очень страшно, когда он вдруг сказал:

– А ведь ты совсем не та, которую мне должны были прислать.

Мое сердце ухнуло куда-то в пятки. Он все понял? Понял, что я самозванка! Я отползла подальше, сжавшись в комок страха между подушками.

В комнате повисла чугунная по своей тяжести тишина. Что теперь будет? Хотела ухватить себе кусочек чужого счастья? Размечталась! Я стала ждать бури, крика, гнева. Но тяжелые мгновения шли, а ничего не происходило. Только тишина тяжелела еще больше. Она давила, подавляла, поглощала меня. Я опустила голову, смотрела вниз, лихорадочно бегая взглядом по кружевному подолу сорочки.

– Как ты пошла на это? – с недоумением и даже немного с сочувствием спросил он. – Я же чувствую, тебе это чуждо.

Чугунная тишина раскололась. Ее давление снялось настолько резко, что у меня перехватило дух. Я посмотрела на Мартиана и увидела на его лице удивление и сострадание. Он не злился. Не топал ногами, не махал кулаками и не выкрикивал проклятия в мой адрес. Надежда снова зажглась в груди. Он поймет. В нем есть сочувствие и понимание. Я видела это в нем еще тогда с балкона и теперь, кажется, убедилась в этом окончательно. И меня прорвало. Я заплакала.

Признания полились из меня вперемешку с рыданиями.

– Из-за сестры. Это ей прочили такую судьбу. А она не хотела. У нее жених. Он очень хороший, честно! И я пошла вместо нее. Я никогда не вышла бы замуж. А потом я увидела тебя. И ты мне понравился. Я решила, что все будет не так уж и плохо.

Я плакала. От того, что мне было жаль себя, жаль свою сестру. От того, что я видела насколько опешил он от моих признаний. И от того, как посмеялась надо мной опять судьба, подарив в его лице надежду на счастье, на семью, которой у меня уже так давно нет.

– Пожалуйста, дай мне шанс! – умоляла я, надеясь, что он поймет. – Может быть я тоже понравлюсь тебе. У меня не будет другой возможности. Если ты отправишь меня к брату, он разозлится и отошлет меня. А потом он найдет Лю, чтоб вернуть все, как должно быть.

Лицо Мартиана смягчилось. Он придвинулся ближе ко мне.

– Ну, не плачь, – утешал он, отирая мои слезы своим платком. Его пальцы почти ласково касались моих щек. Как-будто я смогла бы почувствовать себя рядом с ним нужной, нормальной. Словно я и в правду могла стать частичкой его жизни и перестать быть лишней неудобной сестрой с запятнанной репутацией, без вины виноватой, ущербной, глядя на которую члены семьи испытывают лишь неловкость, сожаление и жалость.

Он принес мне воды и забрал кружку из моих рук, когда я закончила пить. Вода подействовала на меня успокаивающе. Я немного пришла в себя. Судорожные всхлипы прекратились. Нужно было взять себя в руки. Если уж встретить отказ, так достойно, как подобает дочери предводителя клана, девушке благородных кровей и частично благородного воспитания.

Какое-то время мы сидели в тишине. Он смотрел на меня неотрывно и о чем-то думал. Правильно. Зачем ему я? Зачем ему становиться соучастником в нашем с сестрой обмане. Какая ему от этого выгода? Выглядеть дураком, которого обманули, подменив его собственную жену. Сомнительно. Зачем ему несовершеннолетняя женщина? Он красив, знатен. Он наследник главы клана. Если бы он не нуждался в поддержке моего брата, он бы даже не посмотрел в нашу сторону. Тем более в мою. А теперь, когда ему известно, что мы с Литой вытворили, он может потребовать у брата новых выгодных для себя условий. Как минимум, вернуть себе обещанную жену.

От этой мысли стало совсем тошно.

– Ты твердо это решила? – спросил Мартиан без единой нотки гнева в голосе. Он задал этот вопрос так, словно именно мне он дал право решать. Я воспрянула духом. Он, кажется, верил мне. Боги, пусть я не ошибаюсь и он действительно собирается поддержать меня.

– Иди сюда, – мужчина протянул мне руку. – Иди ко мне.

Я обмякла. В момент расслабилась. Словно упал с души гигантский тяжеленный груз. Больше не придется ему врать. Не придется выкручиваться и притворяться сестрой хотя бы наедине с ним. Я ликовала. Может, я и в самом деле понравилась ему. Иначе зачем ему подыгрывать мне? Улыбка сама собой расплзлась по моему лицу и я не могла ее сдержать.

Мартиан легко и весело рассмеялся. А у меня в груди что-то екнуло по-новой. Мне хотелось броситься ему на шею и расцеловать его в благодарность. Было немного стыдно за свой порыв, за обожание, которое прорвалось из меня и вылилось в желание задушить его в объятьях, но я ничего не могла с собой поделать.

– Впервые вижу, чтоб женщина так радовалась этому.

Я подползла к нему и села рядом, неуверенно глядя ему в лицо.

– Только я не умею. Ты... подскажи мне, что делать. Я действительно пропустила обучение, – закончила я тихо.

– Ничего. Мы с этим справимся, – сказал он склоняясь ко мне. – Как тебя зовут?

– Шани, – ответила я, чувствуя, что тону в его глазах. Они у него были очень красивые – цвета гречишного меда. И смотрели на меня сейчас ласково. А ради его улыбки солгала бы снова, если был бы выбор.

– Расслабься, Шани. Доверься мне. Я сделаю так, что тебе понравится.

Он целовал мои губы. Один легкий поцелуй за другим.

Мягко пощипывал, пробовал на вкус. Я ощущала на лице его дыхание и купалась в этом потоке новых ощущений. Одно почти невесомое прикосновение за другим. Приглашение. Попробовать тоже. Ответить, испытать. И я начала отвечать. Подставляла губы для новых поцелуев и каждый раз жалела, когда он отстранялся слишком быстро. Захотелось удержать его. Моя ладонь сама собой легла ему на щеку. Щетина на его щеках слегка колола мою кожу, а я млела. Мне нравилось его трогать. Мне понравилось, как от моего прикосновения изменилось все. Поцелуи стали чаще, глубже, жарче. Это уже не приглашение. Это обещание.

Он погладил пальцем мой подбородок, обжег поцелуем мочку моего уха. Он легко дернул за поясok и спустил халат с моих плеч. Он ласкал меня через ткань сорочки. Гладили сквозь тонкую ткань мою грудь, задевая пальцами тугие вершинки сосков. Я запрокидывала голову, подставляя шею поцелуям и забывала обо всем, кроме горячих рук, и требовательных губ, которые спускались все ниже. Он развязал ворот моей сорочки и скользил ладонью внутрь, побуждая выгибаясь тянуться за ним. Желать еще большего. Мое тело оживо. Я плавилась в его руках, подчиняясь, принимая то, что он дарил. Моя сорочка была спущена до талии. Его одежда уже валялась где-то на полу. Я бродила ладонями по его телу, скользила по буграм мускулов. Я не чувствовала больше стеснения или неуверенности. Я была на своем месте. Именно там, где и должна была. Рядом с ним. Под ним.

Так правильно было ощущать его приятную тяжесть на мне, подаваться навстречу его ритму, благодарно отвечая ему поцелуями и стонами. Выгибаться дугой, когда, просунув ладонь между нашими соединенными телами, с каждым своим толчком он поднимал меня на волнах удовольствия все выше, пока я не шагнула за край. Я переполнилась им и хотела еще. Ничего прекраснее этого со мной никогда не происходило.

Некоторое время мы лежали обнявшись, соприкасаясь горячими телами, как единое целое. Мне не хотелось думать о том, что может быть как-то иначе. Казалось, мы слились так плотно и хорошо, что когда Мартиан встал и принялся одеваться, я почувствовала себя брошенной. Мне захотелось прикрыться. Я привела в порядок свою сорочку и натянула на себя одеяло.

– Ты куда? – спросила я.

– Мне пора. Не волнуйся, я заплачу тебе как опытной.

– Что? – не поняла я. – У вас в клане принято платить женам деньги после... связи?

– Каким женам? – замер он на половине движения и рубашка выпала из его рук.

– Что значит, каким женам? – не на шутку испугалась я. – Мне!

Я подняла свою руку с браслетом и кровь отхлынула от моего лица. Браслет не стал слитным. Блестящие чешуйки не срослись. В полной панике я перевела взгляд на мужчину

у своей кровати и поняла, что на его запястье браслета нет.

– Ты не мой муж, – цепенея от ужаса прошептала я.

– Ты не шлюха... – догадался он.

– Шлюха? Ты решил, что я шлюха? – мне показалось, что я ослышалась. Как он мог принять меня за шлюху?

– Да, – развел руками мужчина.

– Да, как ты смеешь? – вспыхнула я гневом.

– А что я должен был подумать? Мне обещали шлюху. Я захожу в комнату и вижу тебя.

Я обомлела.

– Не строй такое лицо, принцесса. Да, взрослые мальчики иногда ходят к таким женщинам.

– Но почему сюда? Откуда у тебя ключ?

– Служитель внизу выдал. Сказал, здесь меня ждет обещанный подарок.

Я схватилась за голову, сжимая в кулаках собственные волосы. К горлу подступил истеричный смешок. Кто-то просто ошибся. Не записал, не туда посмотрел, не проверил, и вот тебе пожалуйста. В моей комнате появляется этот мужчина. А я и рада была обмануться. Как бездомная собака потянулась за случайно погладившей ее рукой. Несчастливая дурочка. Я должна была насторожиться. Почему бы это Мартиан так спокойно отнесся к подмене собственной невесты? Мы, как глупцы говорили каждый о своем и слышали только то, что хотели. В итоге я отдала свою невинность абсолютно постороннему человеку. Боги, а вдруг я забеременела от него!

Мне стало так дурно. Сердце колотилось. Сквозь шум в ушах я вдруг услышала его голос.

– А как ты могла перепутать своего мужа со мной?

И я разозлилась. Я и без того чувствовала себя полной дурой.

– Если бы я видела его раньше хотя бы раз, не перепутала бы, – едко передразнила я. – Но я же видела... И твоя мать... Мать Мартиана указала на тебя. Ты его брат?

– Она не могла указать на меня. Я вообще ей не сын.

– Она сказала, что мой муж тот, кто держит мальчика в золотом...

– Не знаю, мне его передал Мартиан.

– А кто ты тогда?

– Меня пригласил предводитель клана в награду. Я вытасил его младшего сына из оросительного канала на винограднике. А Мартиан пообещал мне в награду лучшую девушку при гостинице.

Он рассказывал, а я удивлялась все больше. Ситуация получалась до невероятия нелепая. Получалось, что этот мужчина приехал сюда покупать вино. Его угораздило спасти младшего брата моего жениха. Мартиан и глава клана захотели порадовать спасителя и пригласили на свадьбу почетным гостем. Его поставили наравне с наследниками власти клана. Выходит, что когда я спросила у свекрови, кто же будущий муж, ребенок был действительно на руках у Мартиана. Но пока я прощалась с женщиной, Флориана передали

в руки спасителя, к которому мальчик проникся особым доверием. Мой будущий муж расщедрился еще больше и заказал для своего нового друга шлюху. И если бы кто-то из служащих гостиницы не ошибся, этот эльфоподобный медведь-оборотень не пришел бы в мою комнату. Теперь понятно, почему лже-Мартиан меня утешал. Он решил, что я стала шлюхой вместо сестры. В памяти всплывали обрывки нашего разговора перед тем, как мы были близки. «Вас разве не учат, как доставить мужчине удовольствие?». «Как ты решилась на это?». «Тебе это чуждо!», «Впервые вижу, чтоб женщина так радовалась этому...». Он решил, что я радуюсь тому, что он разрешил мне стать шлюхой с его помощью?

«Спаситель нашелся» – мысленно простонала я. Боги! Это не Мартиан! Не мой муж. Он даже не из этого клана. Что мне теперь делать? Как быть?

– Не Мартиан... Не тот... – все еще не веря бормотала я.

– Мартиан!!! Ты – жена Мартиана! – до него, казалось, только что начало по-настоящему доходить все произошедшее. – Не может быть, – простонал мужчина.

Он опустился на край кровати. Огромные ладони обхватили голову, потеряли лицо. Его широченные плечи мелко подрагивали. Он смеялся. Я не могла поверить. Он смеялся! Нервно, жестко.

Боги, как это вообще может происходить? Я стою и пытаюсь выяснить, действительно ли он не мой муж. Как по-идиотски. «А ты точно не мой муж? Точно не сын вождя клана?

Ты уверен? А как же матушка? Как же бабушка?»

А он? Я представила его, пытающегося объяснить все своему новому другу: «Ой, извини. Ты будешь смеяться, но я тут нечаянно переспал с твоей женой».

Или себя: «Прости меня, муж, я нечаянно отдалась другому! Перепутала слегка! А вообще-то, он понравился мне больше тебя, так что я хотела, чтоб он был на твоём месте. Но ты не переживай сильно, я даже не твоя невеста. Так, самозванка. Стайра заклеянная.»

А между тем, я, может быть, уже зачала нового наследника власти в клане не от своего мужа.

Если это так, мне конец. Меня просто убьют. И с ребенком поступят точно так же. Ещё этот лже-муженек сидит, смеется. Весело ему... Выйдет из комнаты и забудет. Уедет в свои родные края. Он вообще во всей этой истории ни при чем. Случайный участник, сломавший своим присутствием все. Я даже имени его не знаю. Боги, в самом деле, как шлюха! Он, может, и не хотел, чтоб вышло именно так, но мне это не поможет.

И ему стоит убраться подальше и побыстрее.

– Вставай! – я подскочила к нему и потянула с кровати за руку.

– Что?

– Давай! Давай!!! – с трудом заставив его подняться, я заметалась по комнате, собирая его одежду. Подхватила с пола тяжелый кожаный колет, который ему подарил мой незадач-

ливый муж. Рубашка запуталась рукавом в одеяле, которое никак не хотело отпускать из объятий свою недавнюю незаконную любовницу. Я сердито рванула ее и сунула мужчине в руки. – Вот, бери. Уходи!

Я пихала его в спину, упиралась в него, как в гору, которая почему-то никак не хотела сдвинуться и исчезнуть отсюда.

– Ты выгоняешь меня?

– Ты торопился сбежать. Вот и уходи!

– Что ты будешь делать теперь?

– Я не знаю! Не знаю! – схватилась за голову я.

– Уезжай отсюда. Собирайся. Я провожу тебя. Вот, возьми. Тебе пригодится, – он пошарил в кармане и протянул мне небольшой пузатый кожаный кошель, важно брякнувший монетами.

Я побледнела.

– Бери же, – он вложил кошель мне в руку и двинулся к двери. Я вздрогнула, уставившись на жгущий ладонь мешочек с деньгами. Мало того, что он ввалился туда, куда не следовало, он еще и пытался заплатить. Горсть монет не вернет мне моего достоинства, надежды на счастье и на новую жизнь. Не вернет ничего из того, что разрушил этот мужчина своим появлением в моей жизни.

– Ты окончательно решил сравнять меня со шлюхами? – я швырнула кошель ему под ноги. – Тебе какое дело? Какая тебе разница? Одна девка или другая! Ты получил свою благодарность. Ты должен быть доволен. Остальное – не твоя

забота! Застегни штаны и убирайся!

Я бросилась к нему, чтоб вытолкнуть его из комнаты. Пусть не уйдет, как довольный покупатель. Пусть вылетит из комнаты как шелудивый пес! Мой лже-муж обернулся, и я ткнулась сжатыми кулаками ему в грудь.

– Обманешь его снова? Сделаешь вид, что ничего не было? Если так, то ты хуже, чем шлюхи, сравнение с которыми тебя так обидело. Они, по крайней мере, честны в своих намерениях.

Слова обожгли каленым железом. Он припомнил мне нашу подмену, наш обман. Это и так было моим позором, камнем на моей совести, а этот циник еще и ткнул меня в это. Кто он такой? Что он знает обо мне, чтоб распускать свой грязный язык? Я не успела подумать, как моя рука уже с размаху впечаталась в лицо мужчины тяжелой пощечиной.

– Проваливай! – прошипела я, оглохнув от отчаяния, ярости и обиды.

– Думаешь, он не заметит того, что его товар подпорчен? Вы, на Равнине, торгуете собой и друг другом, как побрякушками или лошадьми. И ты тоже продалась один раз. Давай, продайся снова! У тебя хорошо получается.

Он натянул через голову рубаху и вылетел из комнаты, зло хлопнув дверью.

Отчаяние навалилось оглушающей тишиной. Ноги носили меня от стены к стене, не находя покоя.

Что мне делать? Как быть? Мысль о том, чтоб притворить-

ся невинной девушкой, вызывала тошноту. Сбежать? Куда? В Черную обитель. Настоящий муж придет в комнату в надежде на теплую ночь и не застанет жены. Будет искать, будет преследовать. А потом предъявит претензию брату. Клань посорятся и вспыхнет новая вражда. У наших границ собирается для удара чужая сила. А вожди двух кланов будут заняты поисками пропавшей невесты.

Боги, о чем я думала? Зачем все это затеяла? Сидела бы и дальше в своей келье, ходила бы на огород каждый день. Считала бы свои серые, одинаковые, но лишённые лжи и мошенничества дни. Не было бы в моей жизни этой до ужаса смешной путаницы с мужьями, этого эльфоподобного нахала и неизвестного мужчины – моего настоящего мужа, с которым мне еще предстоит иметь дело.

Лита уже, должно быть, замужем. Колесит вместе со своим любимым по просторам Великой Равнины. Это ради нее я ввязалась во все это. И ради себя тоже. Знала, бы я где она, подалась бы за ней. Да, уж. В качестве кого? Пятого колеса в телеге?

Как ни горько и ни противно, но, может, прав этот лже-муж. Я продалась. Ради счастливой жизни и возможности иметь семью, я продалась.

Я металась по комнате, пытаюсь придумать, как мне поступить. Любое решение казалось неправильным и провальным. В любом случае, кто-то страдал. Самое честное – остаться здесь, встретить мужчину, с которым меня соеди-

нили жрецы, и признаться ему. И пусть он решает. Склонить перед ним в подчинении голову и принять наказание, полагающееся неверным женам. Но тогда скандал и возможность войны с кланом брата все равно будут угрожать кончиной обоим кланам.

В своих мыслях-то я готова была повиниться, но скрип в замочной скважине сковал мою душу ужасом. Немного покрутившись в незапертом замке, ключ выскользнул наружу. Дверь распахнулась и на пороге возник он. Абсолютно чужой мне мужчина, опиравшийся локтем о дверной косяк. Мой муж. Я попятилась, не зная, куда девать руки, куда смотреть и что говорить.

– Не бойся, киса моя, – ласково протянул мужчина, пьяно покачнувшись и шагнув в комнату. – Меня не обманули. Ты и в самом деле так хороша, как мне рассказывали.

Мне захотелось истерично рассмеяться. Что-то похожее мне уже говорили сегодня. Мужчина рухнул на кровать, и вытянулся, заложив руки за голову. Он был высок, красив и строен. Но его развязная речь и похотливый взгляд, шарящий по моей груди, вызывали брезгливость.

– Вина! – потребовал мужчина. – Ну?

Подстегнул он, видя, что я приросла намертво к месту, на котором стояла. На негнущихся ногах я подошла к столику. Бутылка вина жалобно брякала о край бокала, дрожа в моих ледяных руках. Судорожно сжав хрустальную ножку в руках, я пошла к кровати. Мартиан принял из моих рук вино, тут

же с удовольствием пригубив бокал.

– Сапоги! – указал он мне униженным перстнями пальцем и заложил ногу на ногу.

Плохо понимая, что делаю, я помогла ему разуться. И замерла, лихорадочно соображая, как быть.

– Пояс мне расстегни, – последовало следующее указание.

Я не могла заставить себя двинуться вперед, залезть на кровать и прикоснуться к нему. Мысль, что он может дотронуться до меня вызывала брезгливое оцепенение. Почему? Потому что пьян? Ну, выпил мужчина. Сегодня его свадьба и это его оправдывает. Он тоже красивый, тоже светловолосый. Но смотрит не так. Двигается не так. Пахнет не так.

Мне хотелось плакать. Я нарисовала себе светлое будущее и идеальный образ своего мужа, позволила им ожить и переплестись с образом того, кто не имел ничего общего со мной. Фантазии разбились о чудовищный фарс под названием «действительность». Как же больно отдирать по живому успешную прирасти к душе мечту. Я – неверная жена, не желающая прикасаться к своему настоящему мужу, все еще помнящая запах кожи и волшебство прикосновений своего любовника.

Я поняла, что не смогу. У меня не получится изображать страсть, не получится быть примерной женой, не получится солгать ему и хранить эту тайну всю жизнь.

– Иди ко мне, – позвал Мартиан. Я не шелохнулась, про-

должая стоять истуканом, опустив взгляд в пол. Со стороны кровати раздалось шуршание ткани. Мужчина поднялся и поставил бокал на прикроватную тумбу.

Меня втянули на кровать и вдавили в пышную перину. Подушки вздыбились белоснежными холмами вокруг головы. По ним разметались мои волосы, закрывая и лицо. Я чувствовала себя сброшенной на дно ямы и придавленной плитой под названием муж. Он навалился сверху. Его дыхание прямо у меня над ухом оглушало.

– Ты красивая, – мурлыкал Мартиан, обдавая мое лицо винными парами в жарком дыхании. – Я не хотел этого брака. Пока не увидел тебя сегодня на церемонии. Прошла мимо на свой балкон и не взглянула. Высокомерная, да? Дочь Маррика Неукротимого.

Я вжималась в постель все сильнее. Мужчина приподнялся на локте, давая себе возможность рассмотреть меня.

– Не бойся меня. Ты не за врага вышла замуж. Будешь ласкова со мной, примешь меня, я землю ради тебя переверну. Никогда не пожалеешь, что судьба дала меня тебе в мужа. – его голос был низок. Выпитое вино обнажило его чувства. Тоска неприкрыто звучала в его голосе. Мужчина хотел любви. Он хотел тепла. Хотел, чтоб его приняли. Он погладил меня по щеке чуть грубовато, но, очевидно, с лаской, на какую был способен. Убрал волосы с моего лба, Мартиан прижался своими губами к моим в коротком поцелуе. Я замурилась, брезгливо вздрогнув.

Он прижал мою ладонь к своей щеке, обратив взгляд голубых с пьяной поволокой глаз на меня.

– Прикоснись ко мне.

Я глупо уставилась на свою руку. Его кожа под моими пальцами была гладкой. Совсем не такой, как у...

Мартиан ткнулся носом в центр моей ладони, поцеловал кончик большого пальца. А мне хотелось забрать руку, словно он претендовал на то, на что не имел права. Он мой муж, в очередной раз напомнила я себе. Я теперь принадлежу ему.

– Моя жена. Мой невинный цветочек, – пробормотал мужчина. Я вытянула ладонь из его пальцев и стиснула руки в кулаки, прижав их к груди. Хотелось отгородиться от него и от его желания. Не пускать ближе. Не отдаваться, не обманывать, не притворяться, не пачкаться в этой грязи еще больше.

– Подожди, прошу! – выдавила я, когда почувствовала, как его ладонь скользнула по моей груди.

– Лежи тихо. Не бойся. – шептал он, пробираясь ниже.

– Я... должна кое-что рассказать тебе...

– Потом, – хрипло оборвал он, забираясь ладонью между моих бедер.

– Не надо! – умоляюще пискнула я, чувствуя, как слезы обжигают глаза.

Мужская рука, до этого оглаживавшая мои бедра скользнула в промежность и вдруг замерла.

– Что это? – Мартиан поднес руку к своему лицу, рассмат-

ривая то, чем были теперь испачканы его пальцы.

Я обмерла от ужаса.

Он рванул подол моей сорочки вверх, задирая ее до груди. Жесткие пальцы мертвой хваткой вцепились в мои стиснутые бедра, разжимая их, и я увидела на своих бедрах росчерки крови и не только их. Я все равно была уже готова сама рассказать ему, но по тому, как потемнело от гнева его лицо, было понятно, что он прекрасно понял какие это следы.

– Это семя? – севшим от ярости и неверия голосом спросил Мартиан.

Я заплакала.

– Это семя!!! – рявкнул муж так, что стены комнаты будто охнули в ответ. Он размахнулся и ударил меня по лицу тыльной стороной ладони. – Тварь!!!

Я вскрикнула. Щеку обожгло болью. В голове звенело от удара. Он ударил снова.

Съежившись, я попыталась выбраться из-под мужчины.

– Кто?!! – ревел Мартиан раненым вепрем. – Говори, шлюха!

Большая рука стальным кольцом стиснула мое горло, вдавливая меня в подушку. Я вцепилась в его пальцы. Я задыхалась, пытаюсь сорвать захват. Не выходило. Мои ногти только безуспешно царапали его широкие запястья.

Мужчина, приподняв меня как куклу, отшвырнул с кровати, и я упала на пол, хватаясь за горло и надрывно кашляя. Горькой насмешкой темнел на ковре возле кровати шейный

платок, немного прикрытый сползшим одеялом. Тот самый, который я собственноручно стянула с мужчины с волосами как у эльфов.

Мартиан встал. Темная фигура мужа обошла кровать, приближаясь ко мне. Я попыталась отползти. Он поймал меня за волосы, намотав их на руку, и потянул за собой. Я вскрикнула от боли.

– Шевелись, сука! – рявкнул мужчина и выволок меня в коридор. Путь до соседней комнаты я проползла на коленях, обдирая их об ковер. Мартиан прошипел. – Не вопи!

Он толкнул дверь и швырнул меня внутрь. Словно мешок с картошкой я завалилась кому-то под ноги. Голубые шелковые тапочки, шитые бисером, оказались прямо возле моего лица. Я медленно подняла взгляд. Ноги принадлежали высокому очень сухопарому мужчине. Богатая одежда не скрывала его худобы и сутулости. Седые волосы были сильно напомажены и зачесаны назад, подчеркивая очень высокий лоб, узкое лицо и длинный нос. Мужчина недоуменно посмотрел на меня и нахмурился.

– Мартиан, зачем ты притащил жену сюда, да еще в таком виде?

– Она мне не жена! Она потаскуха!

Мужчина в голубых тапочках медленно оглядел меня, словно выискивая свидетельства моего статуса потаскухи, и спокойно посмотрел на пышущего яростью Мартиана.

– С чего ты взял, мальчик мой? – спросил седой, чинно

усаживаясь в кресло.

– У нее всё лоно испачкано чьим-то семенем и кровью! – Муж рывком поднял меня на ноги и задрал мою сорочку так, что сидящему в кресле мужчине было видно все, что у меня ниже талии. Я забилась в руках Мартиана, пылая от унижения и стыда, пытаюсь освободиться. Он снова толкнул меня на пол. Я согнулась узлом, капая слезами на ковер.

– Почему ты решил, что это кровь невинности? – раздался над моей головой спокойный голос седого. – Может это просто ежемесячные крови?

– Учитель, я же не идиот!

– Ты пьян, – констатировал старший мужчина. – Возможно, ты ошибся. Сначала это нужно доподлинно установить.

Он подошел ко мне и взял за запястье мою руку браслетом.

– Видите, учитель! Он не соединен.

Наставник Мартиана нахмурился, глядя на меня.

– У тебя был кто-то, отвечай! – приказал он.

Я чувствовала жалкой грязной тряпкой. Мое горло словно парализовало. Я не могла выдать из себя ни звука. Комкала трясущимися руками ночную сорочку и мечтала оказаться где-нибудь далеко отсюда. Подальше от этого унижения и позора.

Наставник тяжело вздохнул, размеренными шагами пересек комнату и открыл дверь в смежные покои.

– Бентан! – окликнул он слугу.

– Да, господин, – отозвался из-за двери молодой бодрый голос.

– Пригласи ко мне Рониду. И сообщи господину Бастиану Славному, что его покорный слуга Варис просит его милостиво посетить мои покои. Дело касается его сына и не требует отлагательств.

– Да, господин.

Наставник закрыл дверь и снова расположился в своем кресле.

Та, кого учитель назвал Ронидой, пришла первой. Полная низенькая женщина напоминала своими формами свиною-копилку.

– Это – личная повитуха госпожи Алфеи. Она осмотрит тебя, – сообщил мне наставник и следом обратился к Рониде. – Необходимо установить или опровергнуть факт утраты невинности.

Женщина склонилась в легком поклоне, качнув необъятным бюстом.

Из смежной комнаты специально на время осмотра выгнали слуг. Когда меня завели туда, на кровати уже была постелена белая простынь, а рядом стояла Ронида, сложив коротенькие пухлые ручки под грудью. Мартиана учитель оставил в своей комнате, чему я была несказанно рада.

– Ложись, – приказал мне наставник. Повитуха подошла и под локоть отвела меня к кровати. Она уложила меня на

край, развела мне ноги и согнула их коленях, набросив сверху вторую простынку. Плеснув в таз для умывания немного воды из кувшина, она омыла руки и заглянула под простыню.

Ее пухлые пальцы шарили внутри меня. Противно, больно, стыдно. Я стискивала челюсти до боли в зубах.

– Девичья плева порвана. На коже следы семени, – констатировала безжалостно повитуха. Можно подумать, она могла сказать что-то другое.

– Спасибо, Ронида, – поблагодарил наставник и выпроводил повитуху из комнаты.

– Лучше тебе рассказать все, как было, дочка, – он сел рядом со мной. – Кто это был? И как ты решилась на такое непотребство, да еще в день свадьбы?

– Я ни на что не решалась! – выпалила я. – Я его даже не знала! Я думала, это мой муж.

– Служанка не закрыла дверь?

– Закрыла! У него был ключ!

Сбиваясь, запинаясь, комкано, рвано я поведала ему эту грязную историю с перепутанными мужьями.

– Нирс! Это был Нирс!!! – бушевал чуть позже в соседней комнате обманутый муж. – Прикормили лиса!

– Нужно было меньше пить с друзьями, а идти побыстрее к жене. Не было бы проблемы, – грубый резкий голос принадлежал, видимо, отцу Мартиана.

– Я праздновал свою свадьбу!

Я сидела в смежной комнате одна. Сквозь неплотно закрытую дверь было прекрасно слышно весь разговор.

– Вы слышали, что сказал смотритель гостиницы, когда его допрашивали? Его ученик перепутал записи в книге постояльцев, – напомнил учитель. – Выдали Мартиану и Нирсу два ключа от одной и той же комнаты. Нирс должен был прийти к заказанной для него шлюхе, а попал к госпоже Арелите.

– Он что, шлюху от благородной женщины отличить не может? Они ведь должны были разговаривать! – бесновался Мартиан.

– А ты со своими прежними шлюхами много разговаривал? – повысил голос отец. – Он, небось, и спрашивать не стал. Нагнул ее и ушел.

– Идиоты! Это все она! Не говорите мне, что она не поняла! Как можно было спутать его со мной? Со мной! Я ее... Я ее по площади голой проведу. Как любую неверную жену. А потом казнь прилюдно!!!

По мое спине пополз холод ужаса. Голос Мартиана был полон ненависти, презрения и решимости.

– Никого ты не казнишь, – отрезал отец. – Она – дочь Маррика Неукротимого, сестра Сантора Яростного. Нам нужен этот союз!

– Отец!

– Ты забыл, кто стоит у наших границ с севера? И какая за ними сила? Нам не одолеть их в одиночку. Так что уйми свою уязвленную гордость и немного потерпи.

– А как мне быть, отец? Как с ней жить? Как спать с ней в одной постели? Она ведь нечистая!

– Как закончатся празднества по случаю свадьбы, увезешь ее в дом у озера. Скажем всем, что хочется молодой супруге на природе пожить, да наедине с мужем в тишине пообщаться. К весне отправим ее брату весть, что она тяжела. Через годик объявим всем, что твоя жена умерла родами.

– А с ней-то мне что делать?

– Ты не понял? – с нажимом повторил отец. – Твоя жена умрет при родах. А как пройдет траур, женим тебя снова на нормальной девушке. К тому времени уже война закончится, а брат ее станет нам союзником и ничего не заподозрит. Сколько женщин умирает при родах? Случайность.

– Никто не должен знать, что сегодня случилось, – вставил наставник. – Мы не можем скомпрометировать ваш союз.

– То есть, я должен просто так отпустить этого подонка?

– Шума не поднимай, – приказал отец. – Объявится, убьем по-тихому. И зрителя этого завтра в оросительном канале найдут.

– А повитуха? – спросил Мартиан.

– С повитухой проблем не будет, – сказал учитель. – Я не посвящал ее в подробности нашего затруднения. Она подтвердила факт того, что соитие было. А то, что оно могло быть не с Мартианом, никак не озвучивалось.

– Уведи жену отсюда, и запри. Забери себе оба ключа, чтоб она опять тебя с кем-нибудь не перепутала, – презри-

тельно добавил отец Мартиана.

– Да, еще, – добавил наставник. – Брак нужно консумировать по-настоящему.

– Что?! – голос мужа снова вспыхнул яростью.

– Нужно, чтоб браслеты срослись. Нам их завтра всему двору показывать.

Мартиан грязно выругался и попытался возразить.

– Ты пойдешь и сделаешь то, что от тебя требуется, – с металлом в голосе, растягивая слова, проговорил отец. – Я тебя прикрыл, когда ты дочку городского палача из Карвика попортил. Я столько золота ее отцу отвалил, что можно было деревню целую купить. Один раз потерпишь! Если уж ты не можешь держать свои штаны застегнутыми, так поработай тем, что в них на благо клана.

– Отец, это было давно и всего один раз! Я осознал, как сильно я ошибся. Я исправился и достоин чистой жены и новой правильной жизни.

– Если мог ты раньше тыкать членом во все, что шевелится и носит юбку, то и в нее сможешь разок. Только смотри, чтоб не понесла. И, Варис, отвар ей сделай, чтоб возможного ребенка – ублюдка скинула.

Раздались мерные тяжелые шаги по смежной комнате. Хлопнула дверь в коридор. По наступившей тишине я поняла, что отец Мартиана ушел. Я напряженно вслушивалась, пытаясь понять, могу ли я услышать еще что-то более страш-

ное, чем то, что они уже сказали.

Они решили мою судьбу, моего ребенка, которого, может, вообще нет. Они запланировали обмануть моего брата и все равно использовать меня в своих планах. Я ошибалась. Не будут они развязывать войну с нашим кланом. Слишком боятся сторонних захватчиков. Меня сошлют в какой-нибудь дом на окраине, пока однажды со мной не случится какой-то несчастный случай. Может быть, я упаду с лошади, утону в реке или меня просто отравят. И тот факт, что я не виновата, их не остановит. Им нужна не я. Им нужна самка, способная принести им породистое потомство. Племенная кобыла. А я хотела замуж, собиралась чтить и уважать мужа, готовилась добиться его уважения. Все это было бы возможно, если бы я не подарила единственное, что они в невесте ценили, постороннему человеку. Но и тогда я осталась бы всего лишь вещью, которую взяли как обязательное приложение к выгодному союзу. А теперь и вовсе жить мне осталось около года.

Я сидела на кровати, на том же самом месте, где меня оставила повитуха. Боялась шевельнуться. Казалось, если я встану, или двину руками, то остатки моего мира рухнут окончательно. Зависшая тишина сменится чьими-то разговорами, шагами, проклятьями. Остановившееся на мгновения безжалостное время начнет движение вперед к той точке, после которой для меня это самое время закончится.

Мужчины в соседней комнате напряженно молчали. Можно было бы подумать, что там вообще никого нет, пока не

раздался голос Мартиана.

– Проклятый Нирс! – сказал мужчина глухо, как если бы утыкался лицом себе в руки.

– Он спас Вашего брата, – возразил наставник.

– Спас брата и лишил жены.

– Ваша жена сейчас в соседней комнате.

– Не жена! Мне придется жить с ней весь этот год, придется изображать примерного мужа перед ее братом. Бесплезная грязная девка она, а не жена. Глядя на нее, я всегда буду видеть этого подонка и вспоминать, что она была с ним.

– Не смотрите. Потерпите эти несколько дней. Потом будет легче. Дом в Таналире большой. Места достаточно, чтоб не встретиться с ней на протяжении всего этого года. Поселите ее в восточном крыле, а сами займете западное. Кроме того, как наследник власти, Вы являетесь Хранителем Границ клана и обязаны много ездить по дальним деревням. Дела, как и ранее, будут обязывать Вас надолго покидать свой дом. Значительную часть этого года Вам даже не придется жить с ней под одной крышей. А потом все образуется. Ваш отец обо всем позаботится.

– Позаботится, – иронично хмыкнул Мартиан. – Не сомневаюсь.

Он, видимо, встал. Послышался звук тяжелых шагов, пересекающих комнату. Открылась входная дверь.

– Куда вы собрались? – окликнул молодого хозяина наставник.

– К себе, – мрачно ответил молодой мужчина.

– А девушка?

– Девушка... Ну, приведи ее, – сказал Мартиан таким тоном, будто согласился попробовать на вкус озерную жабу прямо сырой.

– Господин мой, так не подобает. Негоже молодой жене наследника ходить в ночной сорочке по коридорам гостиницы с посторонним ей мужчиной. Даже если этот мужчина – я.

– Плевать. Хуже, чем есть, уже не будет.

– Не забывайте о важности ее статуса. Нужно сохранить ее репутацию. Нам важен этот союз. Накануне свадьбы ее брат прислал весть, что на церемонии в Мьяри быть не сможет, но обязательно почтит своим присутствием главные празднества в Каурии. Девушка не должна ему пожаловаться. Наоборот. Будьте с ней помягче. Пусть будет благодарна, что после ее позора ее оставили в клане.

Несколько нервных быстрых шагов и дверь в смежную комнату распахнулась рывком. Клокочущий сдержанной яростью Мартиан вошел и двинулся ко мне.

Я испугалась. Вскочила с места и бросилась к противоположной стене. Мужчина резко сдернул с кровати покрывали и швырнул его мне под ноги.

– Прикройся, – жестко бросил муж. В моей голове царил полная паника. Он заберет меня туда. Там мы будем одни. Я буду с ним одна! Он будет делать брак действительным, а мне придется подчиниться. Смотреть в его глаза, полные презре-

ния и безгливости всякий раз, когда он видит на меня. И терпеть. Он не будет со мной вежливым и ласковым, как тот, Нирс. Хотя, мне даже имя его вспоминать непростительно.

Наставник мужа стоял в дверях смежной комнаты и смотрел на меня с сожалением и немного с сочувствием. Как-будто это не он сейчас в соседней комнате убеждал своего воспитанника, что все «образуется», что батюшка «позаботится» о его проблеме в виде неугодной жены. Словно это не он сказал, что я должна быть благодарна за то, что меня оставили при муже, хотя я запятнана и покрыта позором. Но, возможно, он и в самом деле сожалеет, что сорвалась такая, казалось бы, удачная партия для его ученика.

– Прикройся! – рявкнул Мартиан, и я вздрогнула. Быстро подняла с пола покрывало и укуталась в него, как в плащ.

– Не только глупая, ты еще и глухая? Руку с браслетом спрячь под покрывало.

Я поспешно спрятала руки. Мартиан выглянул в коридор, чтоб убедиться, что там никого нет и обернулся ко мне.

– Иди впереди, – приказал муж. Мимо его наставника я проходила, опустив голову.

Удивительно, как может измениться знакомое, казалось бы, помещение. Когда меня собирали на церемонию и готовили к брачной ночи, комната казалась волшебной и уютной. Теперь она казалась почти тюрьмой. Мрачной пыточной камерой, в которую меня привел мой собственный палач и

плотно закрыл дверь, чтоб никто не слышал криков жертвы. Дура. Сама виновата. Захотела влезть в чужое платье. Лучше бы просто помогла сестре сбежать, приняла бы на себя гнев брата и уехала в Черную обитель. Сейчас я прекрасно понимала, что главы кланов все равно бы договорились так или иначе. А теперь мне может помочь только брат. Наставник Мартиана сказал, что Сантор собирается приехать на торжество в главном доме клана. Он захочет увидеть сестру. Упаду ему в ноги, признаюсь во всем. Пусть ругает, пусть сошлет в обитель или куда подальше, но только пусть отсюда заберет.

Мартиан закрыл за нами дверь и тяжело рухнул в кресло возле столика с угощениями. Я замерла в дальнем углу, по-прежнему укутанная в покрывало. Муж налил себе вина и тут же почти залпом выпил. И снова потекла в бокал из узкого горлышка темно-бордовая жидкость.

Вина в бутылке оставалось все меньше. Мартиан пил его, уткнувшись все более стекленеющим взглядом в камин. Иногда он поворачивал голову в мою сторону и мрачнел еще больше.

– Иди вымойся, – приказал он мне, кивнув на дверь ванной, и рыкнул. – Иди!

Все это время, пока он напивался, я ждала этих слов, но все равно не была к ним готова. Все внутренности словно окатило холодной волной.

Бокал полетел блестящей молнией и разбился на множе-

ство хрустальных звездочек о стену около моей головы. Я бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь. Сказать, что мне было страшно – это ничего не сказать. Как мне хотелось сейчас схорониться за портьерой. Съежиться, сжаться, спрятаться в этом покрывале, как домике. Как в детской, когда мы с Литой устраивали шалаши в укромных местах дома. Сестра всегда была бойкой девочкой. Как чудесно мы играли! Я подавала какую-нибудь идею, а Лита развивала ее делала из нее шедевр. Так и в этот раз. Именно я придумала поменяться. Я убедила в этом сестру. И она подхватила ту мысль и превратила ее в план наших действий. Как бы мне хотелось, чтоб сестра помогла мне и сейчас. Рядом с ней мне даже лучше думалось. Она – человек-огонек. Рядом с ней улыбались даже камни.

Но нет. Я должна иметь мужество справиться со всем этим сама. Лита не поможет. И первое, что я могла сделать – смыть со своего тела следы другого мужчины.

Я тяжело вздохнула и сбросила с плеч покрывало. Воды в самой ванне не было. Лишь вдоль стен стояли несколько полных ведер с холодной водой. Ее, видимо, наносили с реки для утреннего купания.

Пододвинув одно из ведер поближе, я забралась ногами на холодное медное дно ванной. Мыло плохо смывалось под жгущими кожу ледяными потоками. Завязанная на талии закатанная сорочка грозила размотаться и намокнуть. Я поджимала белоснежный валик на талии локтем и спешно смы-

вала мыло с низа своего тела, когда дверь в ванну распахнулась от пинка и крепко впечаталась ручкой в стену. Я вскрикнула, судорожно пытаюсь опустить сорочку.

– Почему так долго? Сколько еще я должен тебя ждать? Почему ты не помылась?

– Я помылась, – подала голос я.

– Что ты помыла? Что с того, что ты стерла его семя со своего лона? Отпечатки его грязных рук везде на твоём теле!!!

Он снова кричал. Выливал на меня одно ведро с холодной водой за другим. Я могла только сдавленно охать, когда очередная ледяная порция накрывала меня с головой, оглушая и ослепляя на мгновение.

Наконец, вода закончилась и муж предположил, что я уже достаточно чистая, он вытащил меня из ванны и поволок в комнату.

Он бесновался. Продолжал набираться вином. Рвал на мне сорочку, оставляя ссадины на коже. Бросал по кровати. Нависал надо мной разъяренной тучей. Больно стискивал грудь и грубо лапал живот. Рывком раздвигал мои ноги, пытаюсь соединить наш брак. Его мужское достоинство не поднималось. Он меня больше не хотел. И снова пил. После третьей неудачной попытки он ударил меня.

Он проклинал меня. Обвинял, что по моей вине он стал немощен как мужчина. Кричал, как он мечтал о продолжении рода, о том, чтоб произвести на свет будущих наследни-

ков клана, как он хотел обладать мной раньше, и как он презирает меня теперь. Описывал, как запрет меня в дальнем доме и будет мучить в отместку за мое злодеяние и за мой позор, ставший трагедией для Мартиана и для клана. Как будет убивать меня через год.

Я плакала. Кричала. Я металась по комнате, пытаюсь спастись от него. Прикрывалась руками от оплеух и пощечин и умоляла о помощи. Кого? Вселенную. Небо где-то надо мной. Силы природы. Добрых духов... Больше мне не на кого было рассчитывать.

Дверь вдруг дрогнула под мощным ударом снаружи.

Мартиан обернулся на звук, вскочил с кровати и замер, слегка покачиваясь. Он смотрел на дверь с видом быка, не верящего, что у какого-то нахала могло хватить наглости вторгнуться на его территорию.

Снаружи ударили снова. Дверь застонала. Косяки пошатнулись и сдвинулись, выворачиваясь из стены. С третьего удара дверь вылетела и с грохотом рухнула на ковер. Снаружи уже кто-то кричал. По коридору кто-то бегал. Кто-то звал на помощь. В покалеченном проеме показался мой эльфоподобный медведь Нирс. Он прошел в комнату прямо по двери и брезгливо оглядел Мартиана, который стоял, пошатываясь с дикими глазами и с расстегнутыми штанами.

– Оставь женщину. Отомсти лучше мне. Я виноват не меньше.

Я смотрела на Нирса и боялась поверить, что он вернул-

ся, чтоб помочь мне. Боялась предположить, что ему не все равно, что со мной будет. Я его ударила и прогнала. Он ушел рассерженный, бросив мне напоследок обидные слова. Но сейчас он был здесь и встал между моим разъяренным мужем и мной.

– Ты!!! – взревел Мартиан. Он мгновенно забыл про меня. Теперь он видел нового врага.

Мужчины сцепились. Мартиан дрался яростно. Выплескивал всю злость и негодование в мощных, хоть и не очень точных ударах. Несмотря на сильное опьянение, он явно был превосходным воином. Нирс уворачивался ловко и не уступал противнику.

Вбежавший в комнату наставник Мартиана хотел прийти на помощь воспитаннику, но был отброшен самим Мартианом как залезший куда не нужно котенок. Учитель держался за стену, об которую его только что приложили и тряс головой, пытаясь вернуть себе ясность сознания.

Кто-то из дерущихся оступился, и они покатались по полу. Мой неудавшийся настоящий муж оказался сверху. Над лицом Нирса занесся огромный кулак. И тут ударила Мартиана я. Кочергой. Ее железный конец, испачканный в золе, плашмя опустился на плечо мужа. Удар был слабеньким и пришелся вскользь. Мартиан вскрикнул и дернулся от неожиданности. Я отбросила кочергу, словно она жгла мне руки. Нирс воспользовался заминкой и скинул соперника.

Мартиан почти сразу вскочил на ноги и обернулся ко мне.

– Ты его защищаешь, тварь? – он бросился на меня. Его руки тянулись к моей шее, в то время как сзади на нем повис Нирс, пытаясь оторвать Мартиана от меня. Я боролась, зажатая в углу между столиком с угощениями и стеной. Пропитанное вином и злобой дыхание мужа раздавалось прямо у меня над ухом. Он пытался задушить меня. В отчаянии, я ударила его в живот. Мартиан вдруг замер, покачнулся и стал оседать на пол. Отчего? Мой удар был слабым. Он не мог свалить такого большого мужчину. Я посмотрела на свои руки и увидела нож для фруктов, зажатый в моих пальцах. По блестящему лезвию стекала темно-рубиновая маслянистая капля. Мартиан завалился на бок. Он смотрел мне в лицо, и я видела, как утекает сознание из его взгляда. Из раны на его голом животе текла кровь.

– Они его убили! – кричал наставник. – Она его убила! Держите их!

В развороченный дверной проем потекли вооруженные мужчины. Члены клана моего мужа.

Я не могла шевельнуться. Все еще смотрела на кровь на ноже и на мужа, распростертого на полу.

Нирс схватил меня в охапку и бросился в окно, разбивая стекло своей спиной. Мы полетели вниз. На мгновение мне показалось, что мир замер вокруг меня, а сердце мое остановилось, пока мы падали. Навес над летними столиками спас нас от верной смерти. Он замедлил наше падение. Его опоры сложились под нашим весом. Нирс закрывал меня своей

спиной, пригибая голову вплотную ко мне, пока сверху на нас сыпался дождь из осколков.

– Они там! Внизу! – крикнули сверху. – Взять их!

Кто-то принялся вылезать вслед за нами из окна. Нирс вскочил, подхватил меня на руки и бросился бежать. В полном шоке я смотрела на удаляющийся от нас прямоугольник разбитого окна с прощально колыхающейся порванной занавеской, на силуэты людей, суетившиеся в комнате. Сильные руки прижимали меня к груди, унося прочь. К спасению. В неизвестность.

Лошадиные копыта мерно шуршали по опалой осенней листве. Лес сомкнулся за нашими спинами некоторое время назад, пряча от преследователей. Где-то позади раздавался лай собак. По нашему следу пустили ищеек.

Я сидела в седле перед мужчиной, завернутая в его плед. Босые ноги мерзли на ветру, и я поджимала их, пряча в теплые шерстяные складки. Все еще мокрые волосы забирали много тепла, и я радовалась тому, что плед достаточно большой, чтоб его хватило на подобие капюшона.

Над головой шумел полысевшей кроной октябрьский лес. Я прижималась щекой к груди Нирса и благодарила небеса за то, что он вернулся.

О завтрашнем дне думать было страшно. Все еще давило грудь стойкое ощущение, что у меня его нет. Я мокрая, босая, в ссадинах, абсолютно голая под шерстяным пледом,

за исключением брачного браслета. А главное – я убила своего мужа. От этой мысли становилось тошно. Перед глазами стояло изумленное лицо Мартиана с постепенно гаснущим взглядом, капли крови на светлом ворсе ковра, короткое перышко ножа в онемевших и словно чужих руках. Я убила человека.

Я все сильнее прижималась к мужчине, пряча лицо у него на груди. Его присутствие рядом давало надежду и не позволяло полностью потонуть в воспоминаниях обо всем том ужасе, который случился со мной за последние полдня. Я хваталась за Нирса, будто стремясь спрятаться в нем. Пусть я не знала, что будет завтра, именно сейчас в это минуту рядом с этим мужчиной я чувствовала себя в безопасности как никогда ранее. С ним было надежно.

Быстроногий выносливый конь уносил нас все дальше. Я постепенно расслаблялась. Усталость и страх прорвались сквозь внутреннее оцепенение. Я всхлипывала в меховой воротник мужчины.

– Ну, тише. Не плачь, – ободряюще шепнул он и крепче обхватил меня рукой за плечи, прижимая к себе плотнее. – Когда оторвемся от них подальше, сможем отдохнуть. А пока потерпи.

Он так и держал меня одной рукой, обернув меня поверх плеча еще и своим плащом.

Мы остановились, когда от усталости я уже не могла сидеть в седле ровно. Нирс выбрал укромное место в неболь-

шом овражке. Почти возле самого его низа обвалилась земля, образовав естественную земляную беседку. Крышей ей служил склон оврага, поросший кустарником.

Нирс сказал, чтоб я сидела на лошади, пока он обустроит место ночлега. Потому я осталась в седле, изо всех сил стараясь не заснуть и не свалиться. Борясь со сном, я смотрела, как ловко мужчина нарезал веток с рядом стоящих деревьев, набрал валежника и соорудил стену, превратив беседку в шалаш. Потом мужчина отстегнул от седла два тюка и скрылся внутри импровизированного домика. Спустя совсем немного времени он появился снова и подошел ко мне.

– Иди сюда, – позвал он, и я соскользнула с седла в его протянутые руки.

В шалаше приятно пахло старой листвой и землей. Нирс опустил меня на расстеленные на земле шкуры, и я с чувством облегчения растянулась на них, получше укутываясь в плед.

Мужчина присел на корточки и достал что-то из одной из сумок. Он потряс это в руках, и оно засветилось тусклым мягким светом. Нирс поставил это у изголовья лежака, и я увидела маленькую стеклянную баночку, заполненную чем-то светящимся.

– Вот, возьми. Надень, – он достал что-то еще, пока я рассматривала крохотные мерцающие крупинки в баночке, и подал мне.

Я вытянула руку, ощупывая темный сверток, который он

положил рядом со мной.

– Что это? Штаны? – под руками ощущалась плотная кожа и пуговицы застёжки.

– Да. Платьев дамских я не ношу, – усмехнулся Нирс. – Это штаны и сюртук. Они добротные, теплые. Разве что велики тебе будут. Сорочки нет запасной. Как и обуви. Но это ничего. Укутаешься в плед, ночью не замерзнешь. А завтра сделаем вылазку в городок и купим тебе более подходящую одежду и обувь.

– Может не надо в городок? – опасливо спросила я. – Что если нас ищут? Если меня узнают?

– Голая женщина, равно как и женщина в мужской одежде вызовет куда более пристальное внимание. На мальчика ты никак не тянешь, уж извини. Не бывает у мужиков таких округлых бедер. Любой дурак поймет, что тут что-то не так.

– Хорошо, – согласилась я. – А как мы купим мне одежду, если я так привлекаю к себе внимание?

– Я тебя спрячу, – уверил Нирс и снова зашуршал содержимым своей сумки. – Вот, держи. Поешь.

Он протянул мне бумажный сверток и флягу. Мы разделили на двоих несколько полосок вяленого мяса и запили его вином, отхлебывая его по очереди из фляги.

Вино обволокло внутренности мягким теплом, затуманило разум. Желание спать стало почти непреодолимым.

Нирс сделал последний глоток вина и закрыл флягу.

– Пусть на утро останется немного.

Затем он спрятал флягу в сумку и встал, намереваясь выйти.

– Ты куда? – всполошилась я.

– Нужно позаботиться о коне. Я скоро вернусь. А ты пока оденься.

Он ушел. В шалаше сразу стало пусто. Навалились сразу звуки осеннего ночного леса. Сон пропал. Я поежилась от вернувшегося внезапно ощущения тревоги. Чтоб скоротать как-то время до его возвращения, я принялась одеваться. Кожаные штаны были длинными. Они поглотили мои ноги почти полностью. Это было даже кстати ввиду отсутствия у меня чулок и ботинок. По объему в одежде Нирса могло поместиться две меня. Даже застегнув на все пуговики, я могла бы вылезти без всякого труда через горловину сюртука. Штаны, наверное, будут сваливаться, но ночью это не важно. Не потеряю. А утром придумаю что-нибудь.

Когда вернулся мой спаситель, я еще не спала. Лежала, укутавшись в плед и ждала его. Мужчина завел коня в шалаш и привязал к корню дерева, торчавшему из земли. Затем Нирс спрятал светящуюся баночку в сумку и вытянулся на лежаке рядом со мной.

Он уснул почти мгновенно. Устал. Я лежала рядом с ним и слушала, как он дышит. Глубоко. Мерно. Исходящий от его одежды теплый запах буйволовой кожи сплетался с земляным ароматом леса. Наверное, я навсегда запомню, что

так пахнет моя надежда выжить. Я не удержалась и робко погладила мерно вздымающуюся грудь.

– Спасибо тебе, – прошептала я. – Спасибо, что вернулся. Спасибо, что не бросил в беде. Для меня никто никогда такого не делал.

Слезы благодарности стояли в моих глазах. Я придвинулась ближе. Хотелось протянуть руку и погладить по щеке, прикоснуться к его волосам, прижаться лбом к могучему плечу и поплакать. Чтоб побыл рядом. Чтоб одобряюще погладил по спине. Чтоб поцеловал в лоб, как тогда в гостиничной комнате. Теперь он нравился мне еще больше. Рядом с ним мне было тепло. Несмотря на босые ноги и усилившийся холод, неумолимо заползавший сквозь щели в стенах нашего укрытия, я чувствовала жар в груди. Вот бы прижаться к нему, обнять, положить голову ему на плечо и тихо млеть от щемящего нежного чувства в груди. Я вытащила руку из-под пледа, осторожно прикоснулась к его широкой ладони, покоящейся на груди, и поняла, что он замерз. Рука была холодной. Меньшее, чем я могла отблагодарить его за спасение – поделиться с ним теплом. Шерстяного пледа с лихвой хватило, чтоб накрыть нас обоих. Мужчина вздохнул и пошевелился во сне, повернувшись на бок лицом ко мне. Заслоненная от страшной действительности по-медвежьи широченной спиной, я соскользнула в такой необходимый мне сон.

Я проснулась раньше Нирса. Во сне он перекатился ближе

ко мне. Большая тяжелая мужская рука спокойно лежала на моей груди и плече. Мерное дыхание шевелило мои волосы у виска. Медленно, чтоб не разбудить, я положила свою ладонь поверх его руки.

Лучи рассветного солнца золотистыми снопами проникали в щели между ветками шалаша. Они пересекались между собой, сливались в более широкие лучи, сплетали уникальный узор света. Как красиво!

Там снаружи я беглая убийца собственного мужа, неверная жена, мошенница, обманным путем вышедшая замуж, заклейменная неудавшаяся стайра. А здесь в лесном шалаше я просто женщина, всем своим существом тянущаяся к мужчине, что лежал рядом. К случайному знакомому, с которым у меня было так много и в то же время – ничего. Я обняла одними ладонями мужскую руку – на большее не решилась – и снова соскользнула в дрему.

Проснулась я резко, потому что мои ладони опустели. Нирс сидел на лежаке спиной ко мне и что-то перекладывал в сумке.

– Просыпайся. Нам нужно ехать дальше, – сказал он.

– Куда? – я вылезла из-под теплого пледа и поежилась.

Солнце снаружи светило яркое, только вот не грело.

– Сначала раздобудем тебе одежду. Потом поедем.

– Я имела ввиду, куда мы поедем после?

– Отвезу тебя к брату. Или к другим родным, если хочешь.

Я сникла. Мысль о том, что он оставит меня больно кольнула грудь. Я, оказывается, уже успела прирасти к нему. Всего за один вечер и ночь. Так быстро. Привыкла к теплу и надежности, исходившим от него. Приласкалась как уличная кошка.

А чего я хотела? Я для него просто посторонняя девчонка. Та, которую он невольно подставил под удар и за которую посчитал своим долгом заступиться. С чего я взяла, что это означает, что с его стороны есть какая-то ответная симпатия? Он приютил, защитил, обогрел и накормил. Передаст меня настоящему владельцу и уйдет со спокойной совестью. А спустя какое-то время и вовсе забудет обо мне.

Я помогала Нирсу укладывать в сумку шкуру, которая оказалась с тканевой подстежкой. Плотный домотканый материал, крепящийся к меховым краям маленькими пуговками, красивая вышивка красным и черными треугольниками по краям. Добротная вещь, сделанная женской рукой. Я заметила, что на одном из уголков аккуратно вышито «Для Нирса от Найрани». И снизу более мелкими буквами: «Пусть тебе всегда будет тепло в дороге».

Мое сердце упало. У него есть жена. Такая вещь делается с очень большой любовью. Его где-то ждут.

– Она красивая? – не удержалась от вопроса я.

– Кто? – удивился Нирс.

– Найрани.

– Очень, – улыбнулся мужчина и его лицо осветилось при

воспоминании о ней. Меня обожгло отчаянием.

– А почему тогда ты не носишь браслет?

– Браслет? – не понял мужчина.

Я подняла верх руку с брачным украшением.

– Я не женат, – коротко сказал Нирс, а я чуть не задохнулась от ликования. Он не женат! Не женат! И тут же осадила себя. Меня это не касается.

– А кто же Найрани?

– Подруга. Была бы у меня жена, я бы ко шлюхам не ходил, – он посмотрел на меня с выражением: «Не вляпался бы в историю с тобой».

– Многие мужчины ходят, – пожала плечами я. – И женатые. Не может мужчина быть только с одной женщиной.

– А ты большой знаток мужчин, да? – беззлобно хмыкнул он, я смутилась. – Кто тебе такое сказал?

– Брат. Сантор говорил моей сестре, что ей не придется постоянно принимать мужа как жене. Что мужчины любят разнообразие. А женатые – особенно. И что муж будет ходить в дом удовольствий, а сестре не придется его терпеть слишком часто.

– Может у вас тут мужчины пасутся на всех лугах сразу, а у нас так не принято, – резко сказал он, подтягивая подругу. – Полезай на лошадь. Ноги застудишь.

Разговор окончен, поняла я.

Он закинул меня на коня, быстро разрушил шалаш, раз-

бросал ветки и вспрыгнул в седло позади меня.

– Жаль, что у меня нет крыльев, – досадливо буркнул он, пришпоривая коня.

Ехали мы долго. Нирс петлял по лесу, иногда направлял коня к ручьям и подолгу шел в воде вдоль русла. Петлял следы. Значит все еще боялся, что нас догонят.

Я сидела впереди него, впитывая моменты невольной близости. Глупо, наверное, но я готова была ехать так всю жизнь. Не знаю, куда. Все равно. Лишь бы подольше. Лишь бы с ним рядом. Но где-то позади нас прочесывают лес ищейки моего покойного мужа. Что они сделают со мной, если догонят, я боялась думать. Они не пожалеют ни меня, ни Нирса. Теперь, когда Мартиана нет, я им не нужна даже на этот год взаперти, который они мне сулили.

Когда мы выехали из леса, мужчина пришпорил коня.

Лес защищал. Он прикрывал, прятал. Деревья, казалось, помогали. Ничего что голые. Они были нашими союзниками. В лесу нас найти было сложнее. Впереди были распаханые поля с небольшими перелесками. Значит, впереди городок или деревня. Открытые места мы старались проскочить как можно быстрее. Чувствовали себя двумя сусликами, старающимися не попасться на глаза ястребу.

С окраины последнего лесного островка уже были видны городские ворота.

– Мы пойдем туда? – я рассматривала раскрытые створки, стражу, расположившуюся по обеим сторонам ворот, како-

го-то мужичка, сидящего за низеньким столиком, возле которого остановилась уже вторая груженная чем-то телега. Видимо, сборщик налогов на торговлю.

– Я пойду. Ты останешься здесь.

Я огляделась. Где это здесь? В лесу? Одна?

– Не бойся. Говорил же, спрячу. А вот и твое укрытие, – Нирс указал на толстенный ствол лежащего дерева чуть позади нас. – Я заметил его, еще когда мы только подходили.

Я с удивлением смотрела, как мужчина срезал нижние ветви кустов с одной стороны ствола, разрезавшего своим падением подлесок. В получившийся просвет Нирс постелил свою меховую подстилку.

– Ложись.

Я забралась на теплый островок.

– Накройся пледом с головой. Когда я закончу, приподнимешь край, чтоб было чем дышать. Лежи тихо и не вздумай вылезти. Здесь тебя не увидят с дороги.

– А как же звери?

– Они тоже не тронут. Я позабочусь.

И я поверила. Он действительно позаботится. Я уже видела его в деле и поняла, что он хорошо знает, как обеспечить себе безопасность. Потому я улеглась на лежак и укуталась в плед, оставив только лицо.

– Вот, возьми, – он сунул под плед какой-то маленький белый камушек.

– Что это?

– С его помощью я узнаю, не угрожает ли тебе что-то или кто-то.

Он забросал меня ветками, травой, опавшими листьями. Потом он обошел меня со стороны ног и какое-то время шуршал там листвой. Что он там делал, я не знала. Затем он сел на коня и ускакал.

Я осталась одна. Сколько его не было? Я не знала. Мне казалось – бесконечно долго. Я устала лежать на одном боку, но боялась пошевелиться. Казалось, что тогда мое укрытие из веток и листьев сползет, и тогда кто-нибудь точно увидит меня. С моим невезением меня просто не могут не заметить.

Время текло медленно как смола, застревающая в шероховатостях коры на сосновом стволе. Время цеплялось за мысли, воспоминания, замирало и скапливалось тяжелыми каплями. Одиночество мучило страхами и неизвестностью. И только белый камушек, который я непрестанно сжимала в пальцах давал надежду и напоминал, что на самом деле я не одна. Что Нирс скоро придет, что он не бросит и через камушек как-то присматривает за мной. Мне было очень интересно, делает ли он это собственными магическими силами, или камушек – просто артефакт, заряженный на слежение. Кто вообще такой Нирс? Откуда? Я могла только предположить, что он издалека. По отношению к жителям Равнины он высказывается пренебрежительно. Значит не с Великой Равнины. Может с побережья? Или прибыл из-за Большого Моря? А кто он? К какому народу относится? К магам? На эльфа он

похож только волосами. На крупных оборотней – только телосложением и умением прекрасно выживать в лесу. На магов – только наличием светящейся баночки-ночника и этого камушка. Судя по камзолу и штанам, которые он выдал мне, он не из богатого рода. Скорей из среднего сословия. А вот конь у него отменный. Не племенной, с не слишком изящными линиями, но крупный и выносливый. Вон сколько таскал нас двоих по лесу и не слишком измотался. Я не очень хорошо разбиралась в статях лошадей, но это не захудалая кляча. Это конь охотника. Такие стоят не очень дешево.

Он – загадка. Я ничего о нем не знала в то время, как он был вполне осведомлен о подробностях моей жизни. Знал, что мы с сестрой поменялись, знал, что я обманула брата. И несмотря на то, что он даже видел меня голой, я ему доверяла.

О том, что Нирс вернулся я поняла по звуку. Где-то совсем рядом протопал копытами по лесному грунту конь и остановился, всхрапнув. Я слышала, как спрыгнул с седла всадник, а следом мое убежище принялись раскапывать.

– Вот, держи. Здесь одежда для тебя.

Я получила в руки увесистый сверток, завернутый в серую бумагу и обмотанный ленточкой. Нирс деловито обустроил место для обеда, сидя на корточках возле расстеленного на земле пледа, и рассказывал, что, когда мы переоденемся и пообедаем, двинемся обратно в лес, что наша задача на

сегодня – обойти этот городок и выбраться к дороге, ведущей в Каурию – главный город клана моего покойного мужа. Там мы будем караулить моего брата, направляющегося на основное празднество по случаю этой злосчастной свадьбы.

– Спасибо, – сказала я, глядя на красивый бантик, украшающий покупку Нирса. – Я вчера не поблагодарила тебя. И сегодня тоже.

Мужчина осекся на полуслове и встал.

Я покусала губу, подыскивая слова, которые бы выразили, как сильно я ему благодарна, и вскинула взгляд на Нирса. Он стоял несколько растерянный. Возможно, его не часто благодарят.

В голову лезли одни банальности и нелепости: «Спасибо, дорогой, что вытащил меня из того кошмара!» или «Спасибо, что купил мне платье, но я бы предпочла остаться в штанах и в камзоле, потому что их носил ты, и они пахнут тобой».

Не зная, что именно сказать, я опустила сверток на землю и обняла Нирса. Я обернулась вокруг его талии, сцепив руки в замок за его спиной. Я приникла щекой к его груди. Слова не выразят ничего по-настоящему, а так я по крайней мере запомню его прикосновения, запомню, каким он ощущается под моими руками. Если он откажется от меня через несколько дней, я не хочу жалеть потом всю жизнь, что не решилась обнять его еще раз. Мне терять нечего.

Я закрыла глаза, ощущая, как участилось его дыхание,

а широкая грудь вздымается под моей щекой. Прости, что смущаю тебя. Я недолго. Только чуть-чуть и отпущу. Перестану вторгаться в твое пространство. Это просто «спасибо».

Я уже мысленно отсчитывала мгновения, собираясь с силами, чтоб разжать руки на счет «три», когда он обнял меня в ответ. Плотным кольцом обернулись вокруг моих плеч огромные руки, и я потонула в них абсолютно счастливая.

Платье оказалось крестьянским. Простым, но симпатичным. Оно было мягкое теплое из серо-голубой шерсти. По бокам под рукавами была сделана шнуровка и наряд легко подгонялся по фигуре. Особенно меня порадовали серые шерстяные чулки и простые ботинки из мягкой рыжей кожи. Последние, однако, оказались немного великоваты, но ремешки на щиколотках решили эту проблему. Отороченный мехом плащ с капюшоном тоже очень понравился мне.

Помимо одежды Нирс еще купил запеченного мяса, пару луковок, несколько яблок, четыре вареных яйца, хлеба и вина.

Я сидела на пледе, уничтожая свою часть провианта, наслаждаясь тем, как тепло ногам в новой обуви, и поглядывая краем глаза на Нирса. Он переоделся в свою старую одежду, спрятав богатый костюм Мартиана в сумку, и совершенно изменился. Он больше не выглядел благородным господином.

То, что на мне висело мешком и сваливалось с пояса, на

Нирсе сидело как влитое. Простые чуть потертые кожаные штаны и незатейливого кроя камзол шли мужчине гораздо больше.

Он обедал молча. О чем-то напряженно думал. Между бровей залегла складка. С момента нашего объятия он не сказал ни слова. Просто отпустил меня и снова подал в руки кулек с одеждой.

Жалел ли он о том, что ответил на объятие или нет, я не могла понять. Но мне хотелось какого-то подтверждения того, что я ему не безразлична. Разум твердил, что это всего лишь объятие. Жест почти дружеский или братский. А душа пела. Надеялась. Смаковала воспоминания, окуналась в них снова и снова. Как было трепетно, как волнительно прижиматься к нему. Отдать частичку тепла и получить то же самое в ответ.

И сейчас я тоже наслаждалась. Пока он глядел себе под ноги, думая о чем-то, несомненно, важном и затруднительном для него, я рассматривала его не скрываясь. Я любовалась тем, как осеннее солнце застывает серебряными бликами в светлых волосах, как вспыхивают янтарным огнем его глаза, когда он поворачивает лицо на свет. Короткий светлый тоненький штрих шрама неровно чиркнул по его щеке под левым глазом. Отросшая немного щетина чуть смягчила линию волевого подбородка, подчеркнув изгиб крупных по-мужски красивых губ. Нос с едва различимой горбинкой. Широкие чуть в разлет брови. Глубокий взгляд и то-

енькие едва заметные стрелочки морщинок в уголках глаза. Как-будто он привык прятать серьезные мысли за показной улыбкой. На мгновение мне показалось, что он, наверное, такой же одинокий человек, как и я. Только он привык прикрывать свою тоску веселостью. Так легче жить.

В Черной обители я тоже старалась шутить нал собой. Выискивала в ситуациях смешное или, хотя бы забавное. Это поднимало настроение, помогало подниматься каждое утро с кровати и идти выполнять каждодневную рутинную работу. Потому что иначе жить было совсем тоскливо. Я научилась ценить небо над моей головой, землю под ногами, пересвист птах в саду, ветер, приносящий прохладу в знойный день, черпак холодной колодезной воды после упорной работы, аромат цветущих яблонь. Маленькие радости насущного момента. Потому что кроме этого момента «сейчас» у меня ничего не было.

А теперь в моем «сейчас» появился он. Этот мужчина напротив. Какая-то глубокая и древняя часть меня поняла сразу: мой. Я жаждала его с каждым мгновением все больше. Наверное, я должна была бы стыдиться. Именно с ним я изменила мужу. Невольно, но факт. Именно это стало причиной того, что шанс на если не счастливую, то хотя бы на спокойную семейную жизнь с Мартианом потерян для меня навсегда. Мне, наверное, должно быть стыдно за то, что я с самого начала захотела всего этого именно с Нирсом, а не с тем, кого на самом деле нужно было желать. Но сердце не

слушает наказов. Ему все равно, как все это там должно было быть на самом деле. Оно не выбрало, как удобно и правильно. Оно выбрало свое, родное на каком-то очень глубинном уровне.

– Не смотри так, – тихо сказал Нирс.

– Почему? – спросила я, улыбнувшись.

– Напрасно ты привязываешься ко мне. То, что ты чувствуешь – благодарность. Мне кажется, ты путаешь это с чем-то большим, – он собрал оставшиеся продукты в мешок и упаковал их в сумку.

– А ты точно знаешь, что я чувствую? Ты любил когда-нибудь?

– Думаю, нет, – после короткой паузы ответил Нирс.

– Тогда как ты можешь знать? И как ты можешь судить, путаю я или нет, – было немного обидно от того, что он просто так взял и обесценил мои чувства.

Он бросил на меня долгий взгляд. Смотрел тепло и чуть-чуть с горечью во взгляде.

– Ты просто напугана, сбита с толку. Я единственный, кто сейчас рядом с тобой и помогает тебе. Прибавь к тому еще то, что я был у тебя первым мужчиной. Вот ты и чувствуешь благодарность и считаешь себя привязанной ко мне. Потому тебя и тянет ко мне.

– А тебя тянет ко мне? Хотя бы чуть-чуть? – я так хотела попросить: «Если я хоть немножко нравлюсь тебе, забе-

ри меня с собой». В каком качестве? Любовницы? Приживалки? Матушка моя поседела бы, если бы услышала, что ее дочь и в самом деле попросила о таком. Но я хотела бы быть с ним. Я застыла в ожидании, словно это был сейчас важнейший вопрос в моей жизни, и от ответа зависела вся моя дальнейшая судьба. Словно это могло что-то изменить, и Нирс передумал бы везти меня к брату и взял меня с собой.

– Как ты можешь не нравиться? Я помню каждое мгновение нашей с тобой ночи, как и то, что ты подарила мне, – он подошел ближе и говорил тихо и проникновенно. Я трепетала и застывала от восторга. Я действительно ему понравилась. Он поправил меховой ворот моего плаща и сказал. – И я бы с удовольствием все повторил. Но одного притяжения недостаточно. Я был бы счастливейшим на свете, если бы когда-нибудь смог привести в свой клан женщину подобную тебе и называть ее своей.

Я дрожала. Все мое существо кричало и молило: «Вот она я. Ты сказал, что хотел бы такую, как я. Возьми и приведи меня».

– Ты заслуживаешь возможности жить там, где ты привыкла. Ты из богатой семьи. Ты не можешь полюбить такого как я.

Он посчитал меня избалованной богачкой. Но я не такая. Знал бы он, где я жила последние одиннадцать лет. Но он уже все решил. Видел меня в богатой комнате в гостинице, обряженную в шелк, и решил, что все знает обо мне. Нирс

от меня отказался. Он не допускает даже мысли о том, что мы могли бы стать парой. В груди едкой болью разливалась горечь.

– А ты? Тебя нельзя полюбить просто так за то, какой ты есть?

– Тебе нужен кто-то твоего круга. Мы с тобой не ровня. В моем клане нет роскоши, нет слуг и поваров. Ты запуталась. Ты пережила потрясение. Твой муж умер. Возможно, тебе кажется, что ничего хорошего у тебя уже не будет. Но ты не права. Как только ты вернешься в свою семью, это пройдет. Родные помогут тебе. И ты быстро забудешь меня.

– В семью? Нет у меня семьи, – мой голос сорвался от боли. – Роскошь... Какая роскошь? Все мое богатство – медный тазик, оловянная миска, топор и тяпка. Ты там еще что-то про семью говорил. Какая семья? Брат, который стыдится меня? Сестра, которая неизвестно, где сейчас обустроивает свою новую жизнь?

– Почему брат стыдится тебя?

– Почему? Потому что я – стайра! Вот! – Я обернулась и приподняла волосы.

– Ты не можешь быть некромантом, – в шоке сказал он. И я ощутила теплые пальцы на своем затылке.

– Нет. Я всего лишь стайра.

– Что это значит?

– Если бы я была мужчиной, меня сделали бы некромантом или ходящим к духам. Я могла бы хотя бы зарабаты-

вать деньги этим. Но я женщина. И метку мне поставили по ошибке.

– То, что у тебя нет никаких способностей к магии – это я сразу почувял. А почему брат стыдится, если ты не настоящая стайра и не можешь никому навредить.

– Я изгой. Позор своей семьи и своего клана. Я больше десяти лет прожила в Черной обители. Никто не станет разбираться, настоящая я стайра или нет. Печать есть. Если в клане узнают обо мне, меня линчуют.

– А твой брат не может тебя защитить?

– Он отправил меня в Черную обитель. Этим он спас мне жизнь. Больше он не может ничего сделать.

– Предводитель одного из крупнейших кланов равнины не смог придумать, как извернуться и обустроить в жизни родную сестру нормально? Не поверю. Разве что, попросту не особо старался что-то решить. Он спас твою жизнь, или свое место предводителя клана? Это опять к вопросу о нравах жителей равнины. И вы еще нас называете дикарями. Да, «веселенькая» у тебя жизнь.

Он немного помолчал.

– Что сделает твой брат, если вернуть тебя ему?

– Наверное, сошлет обратно в Черную обитель.

– Или выдаст тебя семье твоего «мужа»?

Я задумалась. Мог бы мой родной брат отдать меня преследователям? Мне вдруг показалось, что мог бы. Смогли же Мартиан и его отец так легко спланировать мою лже-бере-

менность, лже-роды и скоропостижную кончину ради того, чтоб сохранить такой важный для них союз. А брат. Он тоже захочет сохранить напарника в этой войне. И он узнает о нашем обмене с Литой. Какой бы циничной не казалась эта мысль, но теперь я допускала и то, что Сантор мог бы выдать меня ради сохранения отношений с союзником. Если он Литу не пожалел – свою любимицу, то, что говорить обо мне, которая уже давно не является членом его клана.

– Думаю, может, если они узнают, что я у него и потребую моей выдачи.

– У них на севере война намечается. Им пригодился бы такой выгодный подарок, как ты. Да. Тебе точно туда нельзя.

Я молчала.

Нирс вдруг предложил.

– А может отвести тебя на восток? Там за белым лесом есть небольшая община. Люди там хорошие. Вернее, не совсем люди. Веретенники.

– Пауки? – в ужасе переспросила я.

– Не бойся. Они не такие страшные, как вам о них рассказывают в сказках. И не пауки они. Просто живут с ними в выгодном соседстве. Между прочим, делают лучший шелк на равнине. Научат тебя ткать, вышивать шелком, будут продавать твои изделия как свои на рынках Равнины. Будешь зарабатывать деньги.

– Почему они вдруг согласятся помогать?

– У меня с ними хорошие отношения.

- Лучше уж к паукам, чем к брату, – горько усмехнулась я.
- Но сначала нам нужно отвязаться от нашего хвоста.
- Думаешь, они все еще идут за нами?
- Уверен. И чем дольше мы тут с тобой сидим, тем ближе они к нам, – он встал. – Давай собираться.

Мы не делали привалов до самого вечера. Нирс беспокоился. Молчал, иногда оглядывался, останавливался и прислушивался. Иногда делал петли и путал след. Давно остался позади городок, в котором он купил мне платье. Лес сменился небольшим лугом, а затем снова обступил нас.

Все чаще стали попадаться болотца. Они прятались в прогалинах, иногда выдавая свое присутствие, отблескивая грязевой поверхностью, прикрытой шелковой светлой травой. Казалось – просто чуть-чуть размытая низинка, а наступишь – скроет по грудь. А может и выше. Впереди лежали Арранские топи.

Я не много знала об этом месте. Слышала, что здесь одно время бросали в наказание приговоренных за предательство. Их лишали зрения и заводили подальше в топи. Считалось, что, если они смогут выбраться, это значит, что они раскаялись и боги поверили им. И их прощали. Насколько я знаю, за все время выbralось только пара человек.

Пару раз мы спешивались и пробирались шагом по кочкам, обходя гиблые участки. Мимо некоторых Нирс переносил меня на руках, а затем возвращался и переводил коня.

Мужчина подобрал длинную толстую палку и использовал ее как щуп. Втыкал в зеленовато-серую жижу, трогал ею выпуклые кочки, похожие на спины болотных троллей. Иногда палка проваливалась до половины своей длины, а иногда дно нащупать так и не получалось.

Основное время мы все-таки ехали. Конь шагал осторожно, медленно пробираясь сквозь заросли жухлой травы, оставшейся напоминанием о давно минувшем лете. Я глубоко вдыхала густой осенний воздух, пропитанный запахом ила и опавшей листвы. Серебристо-охристые голые стволы деревьев протягивались ввысь как чьи-то воздетые в молчаливой молитве к небу руки. Где-то вдали иногда коротко вскрикивала какая-то птица. Откуда-то с другого конца леса ей в ответ непременно отзывалась вторая такая же. Словно перекликались два соседа, жалующиеся друг другу на жизнь каждый из окна своего дома. «Как ты?» «Да, так... Как сам?» «Никак...».

Мы устали. Начинало вечереть и Нирс стал присматривать место для ночлега. Замечая, как он хмурится, я понимала, что он бы предпочел идти дальше. Но идти ночью в лесу через болота – очень рискованная затея. И, казалось, Нирс взвешивал, что принесет больший риск: сунуться в топи на закате, или остановиться на ночлег, рискуя быть нагнанными преследователями.

Мы все-таки шли к веретенникам. По словам Нирса, нам предстояло около пяти-шести дней в пути. Совсем немного,

но это возможность побыть рядом с ним подольше. Возможность осесть в общине ткачей на самом деле была не плоха. По словам Нирса, они мирные, тихие, живут дружно и особняком. Если они не испугаются моего прошлого, то у меня может бы появиться возможность прожить жизнь в обществе тех, кому я хотя бы не отвратительна. Может быть, овладеть хорошим ремеслом, стать мастерицей, если таланта хватит. Если будет заработок, я смогу жить самостоятельно. Может быть у меня появится свой собственный дом. Маленький и уютный. Домик, в котором я буду жить в одиночестве. А Нирс уйдет и растворится где-то в других делах и заботах. И я может быть его больше никогда не увижу. А потому, внутри у меня тлея теплым угольком бесовская надежда, что веретенники не захотят возиться со мной. И тогда я останусь с Нирсом еще чуть-чуть. И может быть, он посмотрит на меня по-другому. Ради этого шанса я готова была рискнуть. Возможно, нечестно заставляя его беспокоиться обо мне и терять время. Был риск и того, у меня ничего не получится и что я попросту надоем ему. Об этом было страшно думать.

Он не испугался того, что я рассказала о себе. Не сбежал, не бросил меня. Не показывал какого-то отвращения ко мне. Наоборот. Все так же придерживал меня в седле перед собой. Для него вообще это все словно ничего не значило. Он либо настолько силен, что не боится проклятья стайры, либо он лишен преубеждений по этому поводу. Может в его

краях к таким как я другое отношение? Ох, как бы я тогда хотела попасть туда!

Нирс выбрал для стоянки сухое местечко между двумя болотцами. Мы побоялись разжигать костер. Риск, что дым от него могут увидеть наши преследователи, все еще был. Потому мы перекусили холодным мясом, допили вино и разделили на двоих оставшиеся яблоки.

О нашем шалаше я вспоминала с тоской. Солнце зашло и по болотам пополз слоистый густой туман. От воды по земле сильно тянуло холодом. Мы сидели на меховом лежке, укрытые пледом как палаткой. Конь презрительно пощипывал болотный колкий сухостой, привязанный к стволу разлапистого дерева, о которое мы опирались спинами. Вместе было теплее. Я пригирелась под боком Нирса и начала соскальзывать в дрему.

Конь вдруг обеспокоенно всхрапнул. А затем я всем телом почувствовала, как напрягся Нирс.

– Что такое?

– Там кто-то есть, – Нирс вылез из-под пледа и достал охотничий нож.

– Нас нашли? – я испугалась, потому что я ничего не слышала.

– Там, – он показал пальцем куда-то в чащу и на моей голове зашевелились от страха волосы. На подернутую туманом прогалину между деревьями вышла тень. Кто-то невысокого роста, но гибкий и ловкий, судя по движениям. Он

нагнулся, поднял что-то с земли. А может, вытащил из-за голенища сапога нож. Что-то блеснуло короткой искоркой в остатках солнечного света и Нирс не стал больше медлить.

Он бросился первым. Тень отпрыгнула, стараясь уйти от атаки, но было поздно. Непрошеного ночного гостя подмяли под себя.

– Кто?! – рявкнул Нирс, пытаясь удержать вырывающееся юркое тело.

– Пустить! Ненавидеть чужак! – верещал пойманный. – Ненавидеть чужак!

– Нирс, кто это такой? – спросила я, осторожно разглядывая странное мохнатое существо.

– Не знаю, – пыхтел от натуги Нирс. – Вырывается. Сильный какой.

– Чужак! Уходи! Чужак! Каю взять! Пао взять! Тия не взять! Тия не мочь взять! Сильный!

Я облегченно выдохнула. Кажется, этот странный получеловек – полужверек пришел не за нами. Наоборот. Он подумал, что это мы пришли за ним.

– Это ты – Тия что ли, – спросил Нирс распростертое на земле существо.

– Тия! Пустить Тия! Не забрать!

– Да, не нужен мне Тия! Тия сам пришел!

– Пустить Тия!

– Глупости не делай, Тия. Сиди. Побежишь – поймаю, – пригрозил Нирс, убирая нож от его шеи и отпуская суще-

ство. Оно поднялось с земли и по кошачьи отряхнулось. Я осторожно выглянула из-за спины Нирса, чтоб рассмотреть пришельца. На человека он походил очень отдаленно. Он был значительно меньше ростом. Нирсу он был примерно по подмышку. Две руки, две ноги и схожие пропорции тела. Только шея короче. Короткая дымчатая с более светлыми светлыми полосками шерсть покрывала почти все его тело кроме лица и ладоней. Он нервно дергал длинным полосатым хвостом и прядал крупными вертикально поставленными на узкой удлинённой голове ушами. Его поллисы раскосые глаза отблескивали светом восходящей луны.

– Зачем Тия пришел? Меня забрать?

– Ты не надо! Туда надо! – зверек махнул когтистой рукой куда-то в сторону. И запричитал с твякующим странным выговором. – Каю вернуть. Каю взять! Чужак взять Каю. Человек. Как ты! Зачем прийти? Дерево мой! Вода мой! Народ мой! Не дам!

– Не бойся. Не заберем. Не нужен нам лес. Нам через топь надо.

– Не ходи! Топь убьет! Не знать топь. Назад иди.

– Не могу назад. Кто-то забрал Каю?

– Взять Каю! Взя-а-а-ать!

– Каю – твой детеныш?

– Каю взять! Детеныш взять! Чужак, – подтвердил Тия.

– Понимаю. Видишь ее? – Мужчина указал на меня и, когда зверек утвердительно кивнул, Нирс продолжил. – Она

моя. Пойду назад – чужак заберет.

При его слове «моя» я чуть не расплавилась на месте. Вот бы это было правдой, а не просто словом для того, чтоб это плохо-говорящее существо поняло.

На мордочке жителя болот отобразилось понимание.

– Не дай! – категорично тряхнул головой Тия.

– Не дам, – так же твердо ответил Нирс.

– За топь, – согласился зверек. – Надо за топь.

– Помоги нам, Тия, – попросила я, тоже перенимая его манеру общения. – Проведи за топь. Ты-хозяин. Ты все знаешь. Проведи.

Зверек задумался, а я мысленно молилась, чтоб он согласился. Если он поможет, мы пройдем топь и значительно оторвемся от преследователей. Может они побоятся идти ночью на болота.

– Обмен! – предложил Тия.

– Что ты хочешь? – спросил Нирс.

– Ты – мне. Я – тебе.

– Говори.

– Ты – человек. Каю. Помочь забрать. Покажу за топь. Каю взять! Чужак взять!

– Зачем взяли? – спросила я.

– Гриб искать. Нюхать хорошо. Мне не забрать. Трудно забрать. Ты забрать.

– Далеко? – спросил Нирс. – Мы не можем долго.

– Рядом! Рядом! Там! – короткий палец с когтем вытянул-

ся куда-то в сторону.

И мы поехали. Тия объяснил нам, как мог, куда идти и где примерно искать его Каю, которая оказалась его дочерью. Сам несчастный отец шел впереди нас и показывал путь.

Деревня в три двора, в которую предположительно забрали Каю, оказалась не так уж далеко от того места, где мы встретили Тию. На подходе к крайнему дому его шерсть стояла дыбом на спине и загривке.

Наспех возведенные к зиме постройки расположились на берегу медленной полноводной реки. В одном из домиков горел тусклый свет. Через окно был виден накрытый по-праздничному стол. Слышалась какая-то песня, исполняемая нестройными голосами. Охотники дотянули последний припев и разразились смехом. А затем послышался стук друг об друга железных кружек и поздравления кого-то с хорошей добычей. Они явно отмечали удачную охоту. Значит за детеныша вот этого болотного существа они могут получить приличное вознаграждение. Тия сказал, что Каю забрали, чтоб она искала какие-то грибы. Не завидная у нее участь: сидеть на поводке, а на улицу выходить только по указке хозяина.

Мы обошли шумный дом и двинулись к хозяйственным загонам. Тия вдруг поднял голову и издал серию коротких щелчков. В ответ из тишины тут же послышался короткий жалобный скулеж и такие же щелчки.

– Там, – тихо сказал Тия, указав на средний сарай.

Загон оказался крепким. Толстые стены без окон из не

ошкуренного дерева. Массивная кованая дверь, закрытая на огромный тяжелый замок. Толстая решетка на смотровом окошке. Таких отсеков было пять только в этом сарае. В других двух, судя по их размерам, тоже по столько же. На стенах были развешаны капканы разного размера, веревка, чтоб силки делать, ошейники, плетки. Кто-то собрался крупно охотиться в этих местах. Все загоны были пустые и только в одном сидела крохотная копия Тия. Маленькая худенькая мохнатая девочка, завидев нас, повисла на решетке смотрового окна.

– Тише, Каю, не шуми, – попросила я. – Мы тебя вытащим.

– Нам нужен ключ. По-другому ее не вызволить, – сказал Нирс. – Решетка толстая.

– Ключ явно в доме, – добавила я.

– Забрать ключ! – сказал Тия.

Все задумались.

– Есть идея, – робко предложила я и они оба повернулись ко мне, причем уши Тии повернулись раньше головы. – Отвлечем. Тия, пошуми.

– Они заметить!

– Да. Это нам и надо. Пусть заметят тебя. Шуми, кричи, чтоб они подумали, что ты очень хочешь забрать Каю.

– Тия хотеть!

– Их там трое. Я в окно видела. Пусть они гонятся за тобой, но не поймают. Обмани. Уведи их от дома. Далеко они

не пойдут. Покрутись рядом, но так, чтоб в дом не ушли. Мы достанем ключ, – закончила я.

– А ты молодец! – похвалил Нирс, одобрительно глядя на зардевшуюся от похвалы меня. – Может сработать.

Мы вернулись к дому, в котором шел пир. Я и Нирс завернули за угол и притаились. Тия вышел на середину двора и издал громкий вой. Звук прокатился по воздуху, улетел в даль и аукнулся эхом где-то на кромке леса.

В доме охотники повскакивали со своих мест. Слышалось, как скребут по деревянному полудвигаемые стулья. Тия отошел чуть дальше и снова завыл. Дверь распахнулась, и прямоугольник света, вырвавшийся из дома, схватил из темноты гибкую фигуру болотного жителя. Тия ощерился, коротко и зло фыркнул и сделал еще несколько шагов.

– Гляди, какой крупный! – крикнул один охотник.

– За детенышем своим пожаловал, – догадался второй. – Иди отсюда!

Но Тия не думал уходить. Он скользнул к загону, в котором сидела Каю. Он что есть силы схватился за решетку смотрового окошка и принялся короткими рывками дергать дверь. Кованые петли громыхнули несколько раз.

Охотники похватили свои ножи и устремились за зверем. Мы с Нирсом не сговариваясь рванули в дом.

В маленькой клетушке пахло дешевым кислым вином, прогорклым жиром и жареным луком. Стараясь не вдыхать сильно вонючий воздух, я обыскивала полки и стол, пока

Нирс шарился по курткам охотников. Где же ключ? Время шло. Вой Тии раздавался совсем близко где-то за домиками. Он рисковал. Если подпустит охотников близко, его схватят. Если сделает ошибку, попадетса сам. Или же охотникам надоест бегать за ним по задворкам, и они вернуться в дом и застанут нас с Нирсом. И тогда не поздоровится уже нам.

– Нашел! – Нирс сорвал с гвоздя за печью связку из пятнадцати похожих ключей.

– Ура! – радостно вскрикнула я и мы бросились к выходу. Двор мы пересекли очень быстро и спрятались за одной из построек. Судя по тому, что Тия издал грустный протяжный вой и бросился в лес, преследуемый охотниками, он видел, что мы вышли. Но мужчины не заметили нас.

Они вернулись в дом довольно скоро разочарованные и злые. Серdito хлопнули дверью и снова расселись за столом.

– Быстрее, пока они не хватились ключа, – шепнул Нирс и мы побежали к загону Каю. Тия вернулся к нам и маячил за спиной Нирса.

– Долго! Быстро надо! – подгонял он, возбужденно пританцовывая. Погоня раззадорила его. Шерсть на его загривке стояла дыбом.

Нирс пробовал один ключ за другим. Наконец, с девятой попытки, замолк согласно щелкнул и разжал свои челюсти. Тия протиснулся вперед и распахнул дверь. Девочка повисла на нем, радостно щелкая.

– Пойдемте скорей. Уходим, – потянула я за рукав Нирса.

– Куда ключ? – спросил Тия, обнимая дочь.

– С собой заберем, в лесу закопаем, – хихикнула я. – Пусть поищут.

Тия одобрительно кивнул.

– Идите на опушку леса, – приказал Нирс. – Я задержусь немного здесь. Тия, присмотри за Шани.

Мы скрылись в лесу. Спустя совсем немного времени к нам присоединился Нирс. С опушки было хорошо видно зарево занимавшегося пожара.

– Ты поджег? – удивленно спросила я.

– Да. Загоны. Пусть сгорят. Не люблю клетки, – сказал Нирс. Каю, сидя на руках отца согласно тявкнула.

– Но они отстроят их заново, – с сомнением сказала я.

– По крайней мере, на ближайшие дни они будут заняты и не будут никого ловить. Да, и их браконьерский арсенал придется собирать заново.

Должна была признать, он был прав. Охотники останутся без загонов. Очень мала вероятность того, что они втроем смогут погасить такое пламя до того, как оно нанесет существенный ущерб. Я оглянулась назад. На всех трех хозяйственных постройках уже яркими факелами горела кровля. Суетились вокруг огня три темные фигуры.

На какое-то время Тия и его семья в безопасности. А потом? Браконьерский промысел этих людей продолжится. Они съездят в большие города, закупят новые капканы, ве-

ревки, сделают новые ошейники. И в крохотные клетки попадут новые детеныши из народа Тии. И это только здесь. А сколько всего вот таких же существ продают, ловят, крадут, калечат нечаянно при поимке или убивают намеренно при попытке защитить свое потомство? Тех, кто не является людьми, магами или эльфами. Тех, кто не относится к Высшим привилегированным народам равнины. Пожалуй, из «низкосортных» только гномы в безопасности и не становятся добычей охотников. У гномов своя мощная диаспора. Они прекрасные мастераковки, гравировки, ювелирного дела. Они руководят очень внушительной долей в производстве оружия и украшений. Клинки их работы считаются лучшими на равнине. Гномы хитрые и изворотливые. Дипломатия – их конек. Потому их уважают все народы Великой Равнины.

Гоблины, орки и великаны тоже относятся к низшим, но их уважают немного больше. Как правило они становятся наемными воинами, охранниками, хотя часть их так же попадает в рабство и пополняет бойцовские арены.

А такие, как Тия приравниваются к домашнему скоту. Те, кто не интересуется золотом и деньгами и не зарабатывает их. Те, кому неважно, сколько комнат в твоём доме и сколько слуг ты содержишь.

Таких народов на Равнине немало. Они не оборотни и всегда живут в одном обличье. Как нечто среднее между человеком и зверем. Но они думают, чувствуют, общаются меж-

ду собой, растят детенышей и живут в гармонии с местом, которое считают домом и сторонятся людей.

Глядя на то, как Каю жметса к отцу, я ей завидовала. Они – семья. Кажется, этот «низший» народ чем-то намного превосходит людей. Они не продают своих. Отец пошел за ней к людям. Он рискнул заключить сделку с нами, а ведь он боялся нас. Он не относится к крупным хищникам и яростно драться не склонен. Когда Нирс свалил его, Тия, конечно, пытался укусить или оцарапать в ответ. Но это скорее было проявлением страха, чем агрессии.

– Ну, Тия. Мы сделали. Теперь ты. Проводи, – напомнил Нирс, когда мы шли назад к тому месту, где оставили коня и лежак с пледом.

– Проводить! Проводить! Чужак не взять. – Улыбнулся, обнажив мелкие клыки зверек. – Сначала есть. Катао делать спасибо.

Мы переглянулись с Нирсом. Ну, спасибо, так спасибо.

Мы забрали вещи и коня и Тия повел нас куда-то в глубь болот. Мы петляли, сворачивали в каких-то неожиданных местах, но всегда шли по твердой земле. Ни разу не провалились в жижу и не увязли в грязи. Тия шел так, словно мог бы проделать этот путь и с закрытыми глазами. Его покрытые короткой шерсть стопы шагали быстро и наступали в точно-выверенные места. Он почти не оставлял следов, не шуршал травой, не задевал ветки.

Наконец, он остановился возле большого куста.

– Прийти! – сообщил зверек. – Ждать. Тия сказать гости.

Он схватился за остаток ствола какого-то дерева, торчащий из земли тонким обломанным пеньком, и потянул. И мы увидели, как сдвинулась в сторону часть дерна, открывая вход в нору. Тия с дочерью исчезли внутри, но вскоре зверек появился один.

– Заходить! Гости! Заходить! – помахал он нам.

– А как же конь? – спросил Нирс.

– Оставь куст. Не умрет. Топь кругом. Не найдут.

Нирс привязал коня, забрал седельные сумки, и мы заползли в лаз. Тоннель в нору был довольно длинным и узким. Приходилось встать на четвереньки и продвигаться друг за другом. Постепенно ход расширился, и мы попали в довольно широкую подземную комнату с низким потолком. В центре комнаты возле маленького костерка сидели такие же существа, как и Тия. Восемь голов самого разного размера осматривали нас. Младшие – с любопытством. Старшие – с беспокойством. Настрадавшаяся за прошлый день Каю прилипла к матери, на руках которой свернулся в клубочек совсем маленький детеныш. Тия втиснулся между мохнатых тел и дал нам знак присоединиться к костру.

– Сидеть! Сидеть! Есть. Вкусно.

Дважды приглашать нас не пришлось. Нирс выудил из сумки свой меховой лежак, и мы устроились на нем, радостно вытянув озябшие ноги к костру. Семейство Тии вернулось к своим занятиям, иногда поглядывая на нас. И только

младшие дети не могли удержаться от того, чтоб не вытянуть в нашу сторону крохотные носы и не понюхать. Нам подали два длинных прутика и указали на горку снеди, предлагая угоститься.

Логово было по-своему уютным. В центре более широкая, комната имела вдоль стен ниши, в каждой из которых были оборудованы лежаки – довольно высокие постели из веток, мха, листьев. На некоторых кто-то спал, какие-то были пустыми. Земляные стены были выровнены и имели три воздуховода в разных сторонах в виде полых внутри деревьев. Дальнее от входа было настолько большим, что человек мог бы поместиться туда и посмотреть через узкие дупла, что происходит снаружи.

Мы нанизывали на палочки небольшие круглые грибочки и поджаривали их на огне. Они были ароматные и вкусные с мягенькой шляпкой и упругой приятно хрустящей на зубах ножкой. Мы уплетали грибы и закусывали их какими-то шишковатыми чуть волокнистыми клубеньками, очень отдаленно похожими на картошку. И радовались возможности поесть горячей пищи, хоть и такой простой. Никогда раньше не ела запеченных змей и лягушек. Оказывается – вкусно. Особенно, если до этого ты пару дней ничего толком не поешь.

– Интересно, если их запечь, будет вкусно? – я покрутила в руке один из клубней, которые все ели сырыми.

– Давай попробуем, – предложил Нирс, и я не долго думая

закопала клубень в золе с краю костра.

Один мальчик чуть постарше внимательно следил за клубнем, который я сунула в костер. Когда, на мой взгляд, пришло время, я выгребла палочкой посеребренный золой корнеплод, разрешила одним из ножей Нирса, который тот милостиво одолжил мне, и понюхала дымящуюся белую сердцевину. Пахло вкусно. Я ковырнула кончиком ножа мякоть и положила на кончик языка. Действительно, не дурно. Волокна клубня стали мягче. Вкус был приятный, не сильно выраженный. Я счистила остатки золы и протянула угощение пареньку.

– Хочешь? – предложила я. – Вкусно!

Он неуверенно вытянул тонкую шейку и принялся.

– Бери! – я почистила вторую половинку и предложила Нирсу. Он съел клубенок прямо из моих рук. Его собственные были заняты разделкой тушки выдры. Мягкие губы ненароком коснулись моих пальцев и сердце в груди екнуло, пропустив удар.

– Вкусно! – похвалил Нирс. – Сделай еще.

Улучив момент, когда я смотрела на Нирса, подросток-зверек тоже утащил из моей руки предложенную ему долю клубня и теперь жевал горячий кусочек, хватая ртом воздух. Должно быть, побоялся, что чужак съест все.

Я сунула в костер еще три клубня. Мальчик поспешно запихал в золу еще один специально для себя. Но терпения

ждать, видимо, не было. Подросток почти тут же выгреб клубень обратно, пошипел, хватаясь голыми пальцами за горячую кожу, куснул с краю и наморщился, смешно тряхнув ушами.

– Жди, – рассмеялась я. – Шкурка потемнеет, можно есть.

Мальчик раздосадованно кивнул и забросил недопеченный клубень обратно в золу. Потом он уселся, обернув колени длинным пушистым хвостом и принялся ждать.

Мужчины заложили на угли тушку выдры. Нирс сходил к реке ополоснуть руки и вернулся к костру.

Подруга Тии внимательно следила за мной своими раскосыми как у лисы глазами. Они у нее были очень выразительные. Темно-желтые, обведенные темным контуром. Они красиво мерцали, отражая блики от костра. Ее тонко очерченный кошачий носик то и дело принюхивался в нашу сторону.

– Маи, – представилась она.

– Шани, – ответила я.

– Ша-а-ани, – протянула она, пробуя мое имя на языке. И похвалила. – Мягко!

– Нирс, – представила я спутника.

– Нис! Ни-и-ирыс! Рыс... Трудно, – заключила женщина и кивнула на Нирса – Хороший.

– Да, – согласилась я, млея от удовольствия за него. Странно и здорово. Хвалят его, а приятно мне. – Твой тоже хороший.

Маи улыбнулась, принимая комплимент спутнику.

Маленькая мохнатая девочка сидела на руках у Маи, повиснув на ней на манер рюкзака. Прижавшись щекой к плечу матери, она следила за мной одними глазами. Где-то между Каю и ее мамой сладко спал кроха, прикрытый с двух сторон теплыми телами родных. Возле Маи копошились трое одинаковых малышей. Залезали на спину, прижимались маленькими мордочками к рукам. Искали ласки.

– Можно? – спросила я протянув руку к полосатой пушистой спинке одного из детей.

– Можно, – кивнула Маи.

Я погладила пушистую шерстку, и детеныш тут же зафырчал, оборачиваясь на новый источник ласки. Он подставлял под мою руку то голову, то уши, то загривок, то оборачивался и требовал почесать спинку. Иногда в порыве чувств он прихватывал мою руку мягкими ручками и слегка прикусывал, тут же зализывая это место.

Спустя всего немного времени он уже залез ко мне на колени целиком и устроился, довольно подфыркивая.

Мне было хорошо. Теплым мягким комочком свернулся на коленях чужой ребенок. Ноги отогрелись, просохли ботинки. Приятно грела нутро горячая еда и на душе было тепло. Нам очень нужна была эта передышка. В этой подземной норе все дышало любовью и спокойствием. И миром. Потому что здесь жила семья. Настоящая, пусть и лохматая. Большая, шепутная, шумная и дружная. Я тербила пальца-

ми мягенький мех детеныша и смотрела на Нирса.

Сегодня он сказал «моя». Было ли это намеренное упрощение, чтоб Тия с его скудным языком понял? Или я имею право надеяться, что это не случайно оброненное слово.

– Ты хорошая. Уметь любить.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Он уметь. Тоже любить. Ласки много. И сильный. Детей рожать. Много рожать. Ему, – посоветовала Май. – Защищать уметь.

– Это точно, – вздохнула я горько.

– Что грустить? – обеспокоенно наклонилась ко мне Май.

– Любить умеет. Но не меня, – сказала я ощущая ком в горле, смахивая непрошеную слезинку. – Страшно. Скоро он оставит меня.

– Не отдать, – уверенно потрянула головой Май. – Он смотреть. Тебя видеть. Видеть пара.

Катайка протянула руку и погладила меня по голове, почесала за ухом прямо как одного из своих котят. Я печально улыбнулась. Какая она добрая и ласковая. Говорит то, что мне так хочется слышать, чтоб подбодрить. Как бы мне хотелось, чтоб она была права.

– Не верить? – спросила Май. Я грустно покачала головой. – Верь! Луна не пройдет. Пара станет.

Мы обе замолкли.

Май принялась вылизывать уши Каю, а я невольно снова прислушалась к тому, о чем говорили Тия и Нирс.

– Ради этих грибов чужаки забирают ваших детей? – спросил Нирс, с сомнением рассматривая сморщенный после запекания грибок. – На вид – обычные.

– Нет, – ответил Тия и указал на кучку грибочков. – Простой гриб. Есть. Много.

– А какие тогда?

– Плохо гриб. Съесть – голова улететь. Отрава. Тьфу! – сердито сплюнул Тия. – Чужаки любить. Отраву есть. Голова улететь.

– А дети их находят?

– Все Катао уметь. Дети уметь. Нюхать уметь. Чужаки взять. Пао взять. Тои взять. Не забрать, – погрустнел Тия. – Никто не забрать. Только Каю забрать. Спасибо тебе.

– Шани молодец. Быстро сообразила, как охотников отвлечь, – похвалил меня Нирс.

– Шани спасибо, – горячо закивал Тия. – Хорошая.

– Да, – согласился Нирс с задумчивой улыбкой, глядя на меня.

Уходить совершенно не хотелось. Мне казалось, что между мной и Нирсом что-то едва уловимо изменилось, и если уйти, то оно тут же разрушится. Его смоеет волна невзгод, поджидающих нас впереди. Хотелось это удержать. Прикрыть нежный росток, чтоб он окреп, выпустил новую пару тонких листочков, порадоваться ему еще немножко.

Нирс сказал «моя», улыбался мне, похвалил мою задумку

с охотниками. Он расслабился ненадолго. Приопустил внутренние барьеры, и из-под них показались живые человеческие чувства. Рядом с ним стало уютно. словно он, наконец, позволил мне быть рядом с ним не только как неизбежной обузе, перед которой он оказался невольно виноват. А я его не винила. Сам взял на себя обязательства. Сам отгородился, наверное, чтоб не причинить еще большего вреда. И не понимает, что своей отстраненностью он причиняет мне больше боли, чем вся эта кошмарная ситуация с моим неудавшимся браком и нашим побегом. Думает, это будет мне во благо. Если бы мне выпало право выбирать, я бы выбрала эти несколько дней настоящей близости с ним. Чтоб бушевали чувства. Чтоб тело горело от прикосновений, а разум от любви, даже если в ответ я получу просто вожделение. Даже если потом придется расстаться навсегда. Чтоб хотя бы воспоминания об этих днях грели душу оставшуюся жизнь.

Маи укладывала весь свой многочисленный выводок спать. Она ушла на один из лежаков, и уставшие детеныши один за одним поползли к ней. Она вылизывала фырчащие маленькие головки и подставленные под мамин ласковый язык пушистые животики. Дети облепили ее со всех сторон. Они сворачивались в клубочки, привалившись спинками к матери, прятали мордочки в теплом меху на ее животе и абсолютно умиротворенно засыпали.

Старшие дети разошлись по отдельным лежакам, и я видела только дымчатые полосатые спинки.

Май лежала, вытянувшись на лежанке как большая кошка, и лениво моргала, осматривая свое потомство. Само спокойствие. Красивая она. Мягкая, заботливая. Тия смотрел на нее с покровительственной нежностью. Пару раз он подходил, обнюхивал спящих детенышей и Май. Наверное, проверял, достаточно ли им хорошо. Она терлась об него щекой, а он неизменно целовал свою кошку в ответ. Им хорошо вместе. Несмотря на сложную жизнь, подстерегающих их охотников и необходимость каждый день бороться за выживание себя самих и своего потомства, они остаются вместе и находят утешение друг в друге.

Я старалась получше запечатлеть в памяти эти недолгие мгновения спокойствия. Место вокруг костра опустело. Мы остались втроем. Тия доедал запеченую тушку выдры, с удовольствием обглаживая косточки. Нирс сидел на своей подстилке, скрестив ноги и смотрел в огонь, задумчиво теребя в руках длинный поясok моего платья. Это почему-то казалось мне очень личным. Даже интимным. Мужские пальцы проходили по кромке кожаного пояса, обрисовывали рифленый край, оглаживали круговым движением тисненый рисунок на кончике и опять начинали движение сначала. Интересно, замечал ли он сам, что делает и как близко к нему сейчас сидела я? Наверное, нет. Руки крутили поясok, а я сидела и боялась шевельнуться, чтоб не разрушить этот невольный и неосознанный момент близости.

Тия вдруг вскочил и застыл напряженный. Его крупные

подвижные уши встали торчком и двигались независимо друг от друга, безошибочно улавливая звуки, которых я даже не слышала. Катао вдруг сорвался с места и юркнул ко входу из норы. Мы с Нирсом тоже вскочили. Я непроизвольно схватилась за рукав его камзола. Спустя пару мгновений Тия вернулся. Шерсть на его холке и спине стояла дыбом.

– Чужаки идти. Много. Уходить! Топь проводить!

Мы бросились собирать лежак и упаковывать сумку.

– Быстро! Быстро! Чужаки идти. Шани взять!

– Откуда ты знаешь, что это за нами, – спросил Нирс, вылезая из норы следом за Тией. – Может это охотники?

– Нау передать. Далеко идти. Другая лес. Землю нюхать.

Звери нюхать.

– Значит, с собаками идут, – сказала я.

– А кто такой Нау?

– Нау семья. Мама одна.

– Брат, значит, – догадался Нирс, быстро привязывая седельные сумки и выводя коня из кустов.

– Далеко жить. Другая лес, – Тия нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– А как он передал? Далеко же, – удивилась я.

– Нау говорить. Человек не так. Человек не понять. Я слышать.

– Мы готовы, – сказал Нирс.

– Тия передать. Нау передать. Следы прятать.

С этими словами, Тия повернулся в ту сторону, откуда

мы ранее пришли, и послал туда трель из щелкающих звуков разной высоты. Видимо, ему что-то ответили, потому что он снова прощелкал какое-то послание брату, а затем замер, прикрыв глаза. От Ти́и повалил туман. Он тек со всей поверхности его тела, клубился, завивался мягкими полукольцами, утекал между сопками, оборачивался серебристо-белым шарфом вокруг стволов деревьев, надевал серебристые перчатки на лишённые листьев озябшие ветви кустов, смазывал очертания всего вокруг и глушил звуки.

– Теперь идти. Можно. Нау тоже. Туман сделать. Чужаки пугать. Чужаки пропадать, – злорадно добавил Тия и ядовито усмехнулся.

– Шани, держись ближе ко мне, – позвал Нирс и взял меня за руку.

Мы так и шли рука об руку за Туманным котом, как хотелось называть теперь Ти́ю. Мы петляли как и раньше, но продвигались вперед очень быстро. Без Ти́и мы подолгу выбирали дорогу. Нирс щупал палкой кочки, илистые лужи и покрытые жухлой травой земляные островки. Легко преодолевались мрачные топи. Скоро мы смогли сесть на коня и теперь двигались рысью. Впереди нас ловко бежал дымчатой молнией юркий Тия. А позади нас стелился плотный туман.

Сидеть впереди Нирса стало привычно. Уже совсем породному придерживали за талию сильные руки. Топи вокруг уже не казались такими страшными, потому что рядом с на-

ми был тот, кто знал их как свои коротенькие пять пальцев. Если бы мы не пошли через болота, нас бы уже нагнали. А так у нас есть в запасе немного времени, пока преследователи не преодолеют это естественное препятствие.

Из топей мы выбрались ближе к утру. Тия уже некоторое время вел нас по вполне ровному склону холма, поросшему лесом. Возле одного из ручьев мы остановились, чтоб напоить коня, передохнуть немного и проститься с нашим уникальным провожатым.

– Топи конец. Дальше ровно, – объявил зверек. – Тия домой. Май ждать. Тия ждать. Тия спать.

– Рада была познакомиться, Тия, – потрепала я нового друга за холку и он тут же зафырчал. – Май передай спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.